

Зона Смерти

Вячеслав Шалыгин

Время огня

«ЭКСМО»

2009

Шалыгин В. В.

Время огня / В. В. Шалыгин — «Эксмо», 2009 — (Зона Смерти)

ISBN 978-5-699-38328-3

Благими намерениями, как известно, выложена дорога в ад. Гениальный замысел российских ученых обернулся катастрофой планетарного масштаба. При попытке создания подпространственных тоннелей вместо одной Чернобыльской образовалось целых пять аномальных Зон, изолированных от нашего мира гравитационными барьерами. А где Зоны – там и сталкеры! А также побочные продукты бурного развития нанотехнологий – скорги, драконы, гарпии, химеры и прочие механоиды. Ничем не примечательный до поры сталкер по кличке Леший только и успевает, что добывать разные ценные артефакты, востребованные на рынке Пятизонья да отбиваться от злобных биомехов, искусственный интеллект которых прогрессирует с невиданной скоростью. Опытному в разных сомнительных делишках Лешему нет никакого дела до забот военного чистильщика Максима Соколова, но приходится за него впрягаться. Иначе весь мир пойдет к черту!

ISBN 978-5-699-38328-3

© Шалыгин В. В., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Пролог	5
Глава 1	14
Глава 2	27
Глава 3	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Вячеслав Шалыгин

Время огня

Пролог

День был неплохой. Теплый и солнечный. В зоне отчуждения такие погожие деньки выпадали редко, а потому Лера ценила их особо. Не разменивала на скучные дела в приграничье или домашние хлопоты, а целиком посвящала главному делу своей жизни. Проще говоря, собиралась и уходила вглубь основательно вытоптанной, но все равно загадочной территории.

Было просто поразительно, насколько преображались в солнечную погоду знакомые до последнего кустика места. Лера бродила по лесам, холмам, заросшим полынью руинам и не переставала удивляться. Она словно попадала в другой мир. Лучше, чище и безопаснее того, к которому привыкла. Того, в котором безвылазно жила с самого рождения. Девушка отлично понимала, что это лишь иллюзия, что окружающий ее мир все тот же, отравленный радиацией, полный опасных тварей и не менее опасных людей, жестокий и несправедливый, но не могла отказать себе в удовольствии хотя бы на миг окунуться в самообман и почувствовать себя полноценным, свободным человеком. Настроение после таких прогулок «по тропинкам фантазий» поднималось выше крыши.

Кроме того, в солнечную погоду легче было навещать отца. Твари, которыми обычно кишели развалины вокруг его бункера, не любили яркого солнца. Как правило, Лера прокладывала маршрут своих прогулок именно в этом направлении и обратно. Общаться с отцом ей нравилось не меньше, чем фантазировать о свободе. Да и просто почувствовать тепло единственного родного человека приятно даже такой закаленной суровыми испытаниями амазонке, как Лера. Она была ребенком зоны отчуждения, но ведь все равно живым человеком, а потому ничто человеческое ей не было чуждо.

Без проблем миновав самое узкое и опасное местечко в заросших бурьяном руинах, всего-то в сотне метров от Объекта Укрытие, Лера немного расслабилась и дальше двинулась, не пригибаясь и не оглядываясь ежесекундно по сторонам. До бункера оставалось десять шагов. На этой территории действовали правила игры, установленные отцом, а не тварями.

Поравнявшись с незаметной постороннему меткой охранного периметра, Лера остановилась, сняла маску, чуть вздернула носик и подняла правую руку, будто бы приветствуя мрачную серую стену приземистой бетонной пристройки к саркофагу. На самом деле она просто позволила сканерам считать нужную информацию: рисунок линий ладони, сетчатки глаз и характерные черты лица.

«Назовите резервный код», – вежливым тоном попросил невидимый охранник.

Просьба прозвучала будто прямо в голове. Хотя почему будто бы? На самом деле прямо в голове. Вживленный имплант-коммуникатор принял сигнал робота, управляющего охранным периметром, и перевел его в меру сил на человеческий язык.

«13092051», – мысленно откликнулась Лера.

Резервный код был скорее данью традиции, ведь хотя он и менялся ежедневно, состоял всего-то из текущей даты. Сегодня было 13 сентября 2051 года. А может быть, отцу просто некогда было очистить охранную программу от ненужных излишеств.

«Добро пожаловать, Валерия Андреевна».

Лера подошла к массивной двери и снова остановилась. Если дверь не открывалась автоматически, значит, отца нет в бункере или он чем-то занят. Ничего страшного, Лера могла и подождать, времени у нее полно.

Едва девушка собралась усесться прямо у двери на теплом камне, как дверь отъехала в сторону. Отец был на месте. Просто он не любил, когда робот впускал посторонних без ведома хозяина, только на основе положительной идентификации. Исключений из этого правила не существовало ни для кого, даже для Леры.

Девушка вошла в бункер, спустилась по узкой лестнице на подземный уровень, миновала зигзаг безопасности, внутреннюю дверь и, наконец, увидела отца. Он сидел в старом потертом кресле, задумчиво глядя в допотопный плазменный экран компьютера. Лера хотела бросить обычное «Привет, пап», но осеклась.

Она вдруг впервые осознала, что отец постарел. И очень сильно. Причем произошло это как-то незаметно, но быстро. Буквально за два-три года. А ведь он был не старым... в том смысле, что ему в апреле стукнуло всего-то шестьдесят пять. Понятно, что для сталкера с сорокалетним стажем – это серьезный возраст. Мыслимо ли – сорок лет в зараженной зоне, на нервах и на пределе физических возможностей! Но Лере всегда казалось, что отец не постареет. Что он всегда будет самым сильным, умным и опытным из всех сталкеров Чернобыльской зоны отчуждения. Да что там из всех. В сравнении со всеми сталкерами, вместе взятыми!

И вот теперь она остро осознала, что чудес не бывает даже здесь, в мире мистики, аномалий и легенд. Люди здесь стареют и умирают независимо от их заслуг и значимости для родных. Как и везде.

– Это случится сегодня, – отец развернулся вместе с креслом и с грустной улыбкой взглянул на Леру. – Хороший денек?

– Да, солнышко и тепло. – Лера подошла, села на стул рядом и взяла отца за руку. – Ты выглядишь усталым. Когда ты спал?

– Вчера, – отец наморщил лоб. – Нет, вру, позавчера. Некогда было.

– А ел?

– Тогда же.

– Ну здорово!

– Я кофе пил.

– Не принимается! Сейчас приготовлю что-нибудь. Поешь и спать!

– Не вопрос, – отец кивком указал на экран компьютера и повторил. – Это произойдет сегодня.

– Верю. – Лера поднялась и направилась в дальний угол единственной комнаты бункера, где располагалась импровизированная кухня. – Хотя нормальным людям есть и спать полагаются ежедневно!

– Ты не поняла. Вернись.

– Сейчас приготовлю и...

– Лера! – сказал отец чуть громче. – Сядь, нам надо поговорить.

– Срочно?

– Да. Сядь.

Девушка села на место и удивленно уставилась на отца. Внешне он был спокоен, как всегда, но в глазах у него отражалась нешуточная тревога. Явно что-то произошло. Лера насторожилась. Может, отец получил какие-то вести от мамы? Нет, вряд ли. Во-первых, мама исчезла десять лет назад – срок давности предельный, а во-вторых, во взгляде отца читалась именно тревога. Он чего-то ждал и опасался этого.

– Лера, ты ведь знаешь, зачем ко мне приходят разные люди?

– Считают, что ты оракул, умеешь предсказывать будущее, – Лера кивнула. – Но я ведь не «разный люд», я твоя дочь. И отлично знаю, что ты нормальный человек, а предсказания свои добываешь, анализируя информацию в Сети. Я не знаю только, где ты этому научился.

– Все верно, – отец кивнул. – Оракул я или аналитик, сейчас не важно. Другое важно. Ты мне веришь?

- Я? А кому еще я должна верить, если не тебе?
- Если это действительно так, сделай, как я прошу. Уйди из Зоны. Немедленно. И как можно дальше.
- Ты шутишь?! – Лера даже рот приоткрыла от изумления. – Я ведь не могу... я умру... ты же знаешь!
- Пятьдесят на пятьдесят. Твоя мать была такой, навечно привязанной к Зоне, но я-то другой. Возможно, мои гены уберегут тебя от смерти. Раньше не было причины экспериментировать, чтобы проверить эту теорию, но теперь все изменилось. Такая причина нашлась.
- Папа, я не понимаю, что за блажь? Почему я должна так рисковать?!
- Лера, это не блажь. Это мои новые расчеты или предвидения, называй как угодно. Не позже завтрашнего утра зона отчуждения исчезнет. Вернее, она не исчезнет, но станет совсем другой. И почти все внутри ее погибнут.
- И какая мне разница, где погибать?
- Во внешнем мире твои шансы равны, в Зоне шансов нет.
- А ты?
- Я уцелею.
- Тоже расчеты? – Лера недоверчиво прищурилась. – Ты никогда меня не обманывал, не начинай сейчас, ладно?
- Это правда. Сам не могу понять, как такое возможно, но программа утверждает, что шанс у меня есть.
- Тогда я...
- Нет! – отец поднял руку. – Со мной ты не останешься! Этот шанс только мой. Твои пятьдесят – за пределами Зоны.
- Хорошо, – Лера пожала плечами, – пересажу в Дитятках.
- В Дымере, не ближе.
- Зона собирается расшириться?
- Увидишь сама. Теперь иди, родная. Удачи тебе.
- А как же... – Лера бросила растерянный взгляд в сторону кухонного отсека.
- Нет времени, иди.
- Хорошо, папа, – Лера наклонилась и чмокнула отца в щеку. – Надеюсь, твои расчеты не подтвердятся.
- Будет замечательно, – отец улыбнулся. – Прощай, дочка.
- До встречи!

* * *

Когда дверь за Лерой закрылась, сталкер нажал кнопку полной блокировки доступа в бункер и вновь развернулся к экрану компьютера. Ему оставалось ввести в свой виртуальный сетевой суперкомп, как он сам называл эту уникальную машину, последние данные. Совсем небольшой блок информации. Буквально на восемь часов работы. Десять – максимум.

Сталкер понимал, что напрасно отказался от обеда, на десять часов напряженной умственной работы может элементарно не хватить сил, но надеялся на скрытые резервы организма и старый добрый кофеин.

«Сил хватит. Хватило бы времени».

Сталкер углубился в работу и оторвался от компьютера, только когда закончил ввод данных. Вживленный имплант, в память которого суперкомпьютер копировал всю базу и управляющие программы, подал мелодичный сигнал, подтверждающий завершение работы. Сталкер откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Он чувствовал себя как выжатый лимон. Окончательно и бесповоротно. Но уснуть и пропустить самое интересное он не мог.

Сталкер с трудом поднялся, кое-как доплелся до кухни, налил себе кофе, залпом осушил чашку, затем еще одну и вернулся к компьютеру.

«Спутниковая трансляция, – мысленно приказал он импланту. – Общий вид зоны отчуждения. Мониторинг изменений. Поиск и анализ любых сходных явлений в пределах континента».

Имплант исправно передал приказ хозяина на большой сетевой компьютер, и супермашина принялась за выполнение новой задачи. В сравнении с предыдущим, новое задание было простейшим.

Появление в дополнительном «окне» первых результатов практически совпало по времени с сильным подземным толчком.

«Магнитуда семь баллов, эпицентр не установлен, – проворковал компьютерный имплант. – Ожидается серия новых толчков, расчетное время...»

Грохот и шум сыплющейся штукатурки заглушили воркование вживленного нанокomпьютера. Сталкер вцепился в стол и сосредоточил внимание на картинке в мониторе. Вернее – на пяти картинках, почти одновременно «выплывших» на передний план. Изображения, переданные спутниками Сети глобальной навигации и слежения, казались на удивление похожими, хотя координаты мест были разными, да и некоторые отличия рельефа явно имелись.

Сталкер поочередно увеличил изображение всех пяти территорий. Все-таки сходства было больше, чем различий. На приблизительно одинаковых по площади округлых участках местности бушевали самые настоящие светопреставления. Множественное число к этому понятию вроде бы не подходит, но сталкер просто не знал, как иначе назвать то, что творилось в пяти далеких друг от друга точках континента.

Мощнейшие подземные толчки рушили дома, по земле ползли гигантские трещины – где-то с приличной овраг, а где-то и с каньон. Ураганный ветер валил деревья и раздувал пламя гигантских пожаров, дым и пепел от которых, клубясь, поднимались все выше и укрывали все большие пространства. Складывалось впечатление, что на некоторых участках, доселе ровных, открылись вулканы. Вода в морях и реках, оказавшихся во власти беснующейся природы, бурлила, кипела, вздымалась огромными волнами и, обрушиваясь на полыхающую сушу, превращалась в густые клубы пара.

Последствия для пяти попавших в переплет территорий намечались явно плачевные, вполне сравнимые с последствиями мощных атомных взрывов.

Но самым примечательным было явление, характерное для центров всех пяти участков локальных катаклизмов. Это был медленно вращающийся гигантский торнадо. Вернее – только поначалу медленно вращающийся гигантский торнадо. С каждой секундой его воронка раскручивалась все быстрее, затягивая внутрь все большее количество обломков строений, искоруженной техники и всевозможного хлама. И, конечно, людей.

Сталкер уменьшил картинки четырех территорий, оставив в полном размере пятую, изображение Зоны. Если верить спутниковой съемке, огромный торнадо кружил сейчас практически у сталкера над головой. Пожилой ходок невольно поднял взгляд к потолку.

«Страшное дело! Хорошо хоть толчки стали послабее».

«...Каждую территорию ограничивает сферическая гравитационная аномалия неизвестной природы, – пробился сквозь грохот голосок импланта. – Внутреннее пространство сферы свободно от аномалии...»

«Так не бывает, – сталкер недоверчиво хмыкнул. – Должен быть источник, по мере удаления от которого гравитация уменьшается».

«Гравитационные аномалии имеют источник, – уловив по ключевым словам скрытый вопрос, ответил вживленный нанокomпьютер. – В момент активации источник находился в центре одной из аномальных зон. Взрывная перегрузка переместила источник по гипертоннелю в многомерное пространство. Теперь он находится в узловой точке, проекция которой на

обычный мир имеет форму пяти полых гравитационных сфер. Возможность такой проекции была сформулирована еще в середине двадцатого века, но математически обосновать ее удалось только в 2041 году. Она носит название «гиперточки Сливко-Клейна».

«Вот как? – сталкер удивленно качнул головой. – Чем дальше, тем интереснее».

«Согласно теории, центральный участок каждой сферы является одновременно центром любой другой, а также центром аналогичного явления в ином измерении, предположительно в гиперпространстве».

«Стоп!»

Сталкер вновь уравнил в размерах все пять картинок и еще раз внимательно всмотрелся в изображения и сопутствующие данные.

«Зона, Крым, Питер, Новосибирск и Москва, плюс такой же пузырь, только непонятно где... в каком-то там многомерном мире. И как это понимать? Честно говоря, я ожидал чего-нибудь попроще, вроде аномального взрыва или атомной бомбардировки. А тут... Что же это за фокусы?»

Спутниковая картинка внезапно исчезла. Не зависла, как иногда бывает, а исчезла вовсе. Причем во всех пяти окнах практически одновременно. Сталкер переключился на картинку с внешней камеры бункера. В принципе, ему было ясно главное. Мир переживал какую-то аномальную катастрофу, в пять раз мощнее и обширнее катаклизма, создавшего прежнюю зону отчуждения. Но ломать голову над причинами и возможными последствиями новой катастрофы бессмысленно.

Оставалось просто дождаться развязки. Если, конечно, выдержит бункер.

Земля затряслась с новой силой, куски штукатурки и каменное крошево начали сыпаться с потолка непрерывно, замигал и погас основной свет, и почти сразу на бункер обрушился сокрушительный удар. Бетонный купол пошел трещинами, но выдержал. Вот только надолго ли?

Сталкер помахал рукой, разгоняя пыль, и посмотрел на экран. Основная внешняя камера не работала. Сталкер включил камеру охранной системы. Она пока была в строю, но рассмотреть с ее помощью, что творится за дверью, было нереально. Что-то кружилось в ритме снежинок, подхваченных метелью, и рушилось. Сталкер вдруг понял – кружилось в бешеном вальсе то же, что и рушилось – обломки бетонных стен саркофага.

Вскоре и эта камера приказала долго жить, утонув под слоем бетонной крошки, и сталкер выключил компьютер.

«Все. Как я и предполагал, прежней зоны отчуждения больше нет. – Сталкер откинул спинку кресла, расслабился и уставился в темноту. – Меня тоже. Выбраться из заваленного бетонными обломками бункера я уже не смогу. Да и не больно хотелось. Во внешнем мире мне делать нечего, а Новую Зону пусть осваивают другие. Я свой путь закончил. Одно непонятно, почему я столько лет раздавал стопроцентные прогнозы другим, но не сумел верно предсказать собственное будущее? В чем я ошибся? Имплант, ответь».

«Ошибки нет. Ваш путь будет продолжен».

«Железяка ты упрямая, – сталкер вздохнул. – У меня воздуха на три часа, а ты продолжение пути предсказываешь».

«Ошибки нет».

«Да ну тебя, – сталкер закрыл глаза. – Спать. Теперь можно. Спать и видеть сны. Быть может».

* * *

Тринадцатое сентября. Черный день календаря. Лера запомнила этот день в мельчайших подробностях. Впоследствии на личные впечатления наслоились кадры из сетевых репорта-

жей, многочисленные комментарии специалистов и рассказы очевидцев из других локаций, где произошли взрывы и начали бушевать вихри, аналогичные тем, что изуродовали зону отчуждения вокруг Чернобыльской АЭС, но собственные воспоминания остались самыми яркими, четкими и пугающими.

Лера отлично помнила, как добралась до Дымера – в тот раз на редкость удачно и быстро. Помнила, как встретила с одним из старых друзей отца, своим крестным, и как тот встревожился, узнав о новом предсказании папы.

Крестный был тоже буквально помешан на зоне отчуждения и первым среди сталкеров решил вживить себе имплант, с помощью которого надеялся найти ответы на все загадки, которые придумывала Зона. Лера была уверена, что и отца на вживление импланта подбил его старинный приятель. Ведь до определенного момента папа относился к новомодным компьютерным имплантам весьма прохладно, считал подобные операции слишком рискованными и вообще говорил, что «бизнесмены, которые вживляют себе в мозги компьютеры, просто бесятся с жиру, пытаясь заработать все деньги мира». Но старый друг сделал отцу предложение, от которого тот не смог отказаться, и впоследствии организовал такую же операцию Лере и еще нескольким товарищам. А уж глядя на них, импланты начали вживлять себе и прочие сталкеры, промышлявшие в зоне отчуждения, а также всевозможные любители аномальных явлений, рисковавшие жизнью в неприветливых радиоактивных местах ради неведомых псевдонаучных открытий.

Как выяснилось спустя некоторое время после Катастрофы, все, кто загодя обзавелся имплантами, были чертовски предусмотрительными людьми. Пусть и невольно. Ведь именно они, вернее, те из них, кто выжил, стали наиболее серьезными представителями нового вида сталкеров, заселивших все пять аномальных территорий, которые образовались в тех местах, где бушевали фонтаны загадочной Катастрофы.

Но в тот день Лера об этом еще не знала. Впрочем, как и о многом другом, что ожидало ее в ближайшие часы и дни.

Когда встревожился папин приятель, Лера просто удивилась, а когда вдруг из-под ног ушла земля – испугалась. Потом горизонт заволкли свинцовые тучи, начал грохотать какой-то странный, оглушающий и сбивающий с ног гром, следом налетел жуткий ураган, и Лере показалось, что весь мир поглотила одна гигантская пыльная буря.

Папин друг успел затащить девушку в подвал ветхого двухэтажного домишки, поэтому первый удар стихии они пережили без проблем, но Катастрофа потому и вошла в историю, как явление уникальное по своей разрушительной силе и последствиям, что одним ударом стихии дело не закончилось.

За первым ударом последовал второй, еще более мощный, и вот тут-то Лера поняла, почему отец настаивал, чтобы она ушла как можно дальше.

Ударная волна за пределами могучего взрыва смела со своего пути почти все дома и деревья, разорвала и вздыбила землю, взметнула в небо миллионы тонн грунта, пыли и воды из речек и озер. И все эти тонны грязи затем рухнули с километровых высот, захоронив под толстым слоем практически все пока еще живое и уже неживое.

Как в этом хаосе удалось выжить Лере и некоторым другим разумным обитателям зоны отчуждения? В этом-то и заключалась основная причина, по которой слово «Катастрофа» пишется с заглавной буквы, как обозначение чего-то уникального, достойного звучать настолько гордо.

Аномальный взрыв стер с лица земли либо причудливо изменил строения, изуродовал ландшафты (позже Лера убедилась, что во всех пяти локациях происходило примерно то же, что и в зоне отчуждения ЧАЭС), выжег до последней бактерии всю органическую жизнь, но не тронул ни одного механизма, машины или аппарата, а также... людей со вживленными имплантами.

Лера отлично помнила, как выбиралась из подвала (а после того, как взрывная волна смела домишко вместе с плитами пола – из обычной ямы) и как удивленно озиралась, пытаясь понять, что за особо изощренная фантазия придумала такую адскую бомбу, вроде бы и не атомную, и не нейтронную, но очень мощную. И почему, для чего безумный изобретатель этого оружия оставил в живых некоторых людей, уничтожив при этом всю прочую органику до последнего кустика, до последней травинки?

Ответ нашелся довольно скоро. В пятиминутном промежутке, пока все поднятое взрывной волной дерьмо не рухнуло на землю, выжившие люди попытались унести ноги из опасной зоны, но именно в этот момент в центре зоны отчуждения вдруг возник гигантский вихрь, который легко поднял и затянул в свою воронку все, что пока не было уничтожено загадочным взрывом и находилось в радиусе нескольких десятков километров. То есть всю технику и тех самых «счастливчиков», выживших во время странного взрыва.

Что было дальше, Лера помнила плохо. Точнее – не помнила вовсе. В памяти остались только ощущения. Сначала был полет с бешеным ускорением и тошнотворное вращение вокруг своей оси, затем поперек, затем вовсе как попало, потом была пронзающая все тело боль, радужные круги и нереальные фейерверки перед глазами, а дальше нестерпимый жар и вдруг, резко, кромешная темнота и беспомыслие.

Позже Лера узнала, что у каждого из тех, кто попал в воронку вихря, ощущения были разными, в меру темперамента, фантазии и возможностей организма, но все помнили боль. Нестерпимую, жгучую, бесконечную.

А еще никто из тех, кто вернулся, не помнил, где он был и сколько времени провел в том месте. Например, Лера очнулась ровно через неделю, двадцатого сентября пятьдесят первого, на вершине небольшого холмика поблизости от южной окраины Припяти. Вернее, того, что осталось от мертвого городка. Крестный вышел на связь только через месяц. А другие выжившие в Катастрофе приятели Леры по «прошлой жизни» начали возвращаться в основном через полгода, а то и позже.

Откуда все возвращались, толком так и не удалось понять. Чуть позже, наслушавшись научных гипотез и начитавшись флуда в Сети, выжившие составили для себя общее представление о Катастрофе и ее последствиях, но поклясться, что все так и было, никто бы не рискнул.

Официального объяснения Катастрофы не существовало довольно долго, а когда оно появилось, слезы стыдливого умиления навернулись даже у военных, которым вроде бы полагалось защищать эту точку зрения. «Ученые» заявили, что Катастрофа стала следствием особого сочетания земных и космических факторов, вошедших в резонанс с какими-то внепространственными колебаниями... Лера, если честно, даже не стала дочитывать бредовый пресс-релиз.

Неофициальная наука утверждала, что все гораздо проще. По мнению независимых экспертов, Катастрофу устроили люди. Вернее, группа людей с избытком образования и амбиций, но с жестким дефицитом совести и здравого смысла. Эти не вполне вменяемые ученые решили создать уникальное транспортное средство – систему гипертоннелей, с помощью которых можно было бы перемещать грузы и пассажиров на какие угодно расстояния через, соответственно, гиперпространство. Для этого была построена тоннельная установка, расставлены маяки и ко всей этой системе подведены немалые энергопотребности. Но, как обычно, что-то пошло не так и, выйдя на пик нагрузки, установка взорвалась. А поскольку тоннели она все-таки «пробурировала», взрыв из одной точки был «телепортирован» в остальные, да к тому же неизвестно, что произошло в том запредельном гиперпространстве, через которое транслировался взрыв установки.

По мнению Леры, эта версия звучала убедительно. Особенно учитывая собственный опыт девушки и достоверные детали, которые упоминались в рамках теории. Например, говорили, что известна фамилия изобретателя – профессор Сливко. И что на самом деле он

никакой не изобретатель, а просто удачливый искатель приключений, откопавший где-то древние чертежи и расчеты советских ученых. И то, что в вихри, которые образовались в момент активации тоннелей, затянуло именно технику и людей с имплантами, только подтверждало эту теорию. Тоннели ведь должны были перемещать грузы и людей, а не куски ландшафта.

Существовали только три нюанса, которые не объясняла убедительная в целом теория независимых умников.

Во-первых, где же все-таки и почему на разное время зависали попавшие в вихрь люди? Теоретики называли это место Узлом. Еще одной локацией, только в гиперпространстве, которая возникла в результате все того же взрыва установки мифического профессора Сливко.

В Узле люди сумели побывать лишь однажды, в момент взрыва, а после доступ туда был им закрыт. Кем или чем – неизвестно, но факт. Бытовало мнение, что машины до сих пор периодически забрасываются в Узел для модернизации, но людям, даже напичканным электронными имплантами, вход в Узел теперь заказан. Даже жженые сталкеры, те, кто вернулся из Узла после Катастрофы, не могли вновь попасть в это странное место. Побывавшие в Узле люди обрели довольно интересные способности, очень даже полезные в локациях новой, помноженной на пять зоны отчуждения, но и только. Никакой тесной связи, хотя бы душевной, с преобразившим их местом (или явлением?) у жженных не осталось.

Так что все вопросы относительно Узла оставались вопросами без единого ответа.

Во-вторых, ученые довольно невнятно объясняли то, что происходило с машинами и механизмами, попавшими вместе с людьми в вихрь, но вскоре вернувшимися из него. Почему и как обычные машины превращались в странные уродливые механизмы, обладающие не просто бортовыми компьютерами с хорошей программой, а зачатками самостоятельного мышления?

Ученые твердили, что все дело в нанороботах, сходных с теми, из которых состояли вживленные компьютерные имплантаты людей. Что якобы именно эти микроскопические машины, соединяясь в особые агломерации, могут формировать сверхмощные компьютеры, которые и становятся мозгами крупных машин. А кто пишет программы этим компьютерным мозгам, кто их совершенствует и чинит, наконец?!

«Узел, – отвечали ученые и разводили руками. – Ведь именно в него забросили вихри всю эту технику во время первого взрыва, и туда же они забрасывают железо поныне. Там же создаются и новые виды нанороботов, в том числе – наноботов-ассемблеров, способных производить другие виды нанороботов вне Узла, то есть в нашем мире».

С этой теорией Лера тоже была согласна, поскольку отлично знала, как это происходит. Своими глазами она видела лишь последствия первого исхода модернизированных разумных машин из Узла, ведь он случился гораздо раньше, чем из того же гиперпространственного инкубатора вернулась она сама. Но если судить по репортажам, которых до сих пор немало плавают в Сети, зрелище было впечатляющим.

Из пыльных недр огромного вихря выползали, выходили, выезжали и даже вылетали сотни тысяч уродливых металлических монстров, переделанных Узлом по непонятным человеку законам и принципам и предназначенных только для одного – для завоевания и удержания жизненного пространства. Проще говоря, для механической экспансии.

Благо что отсутствие подходящих энергетических источников за пределами Зоны и возникшие вокруг каждой из ее локаций гравитационные Барьеры существенно ограничивали распространение механической заразы.

И в этом заключался третий необъяснимый нюанс. Почему после уничтожения тоннельной установки не исчезли тоннели и возникли эти странные гравитационные пузыри?

Лера считала, что установка Сливко на самом деле не была уничтожена, а просто «провалилась» к чертовой матери напрямик в Узел, где и продолжала работать под присмотром специалистов, более компетентных, чем безумный профессор. Возможно, этими специалистами стали модернизированные Узлом компьютеры самой установки, а быть может, и мифический

Атомный Демон, которого народная молва поселила в Узле в качестве его главного диспетчера или смотрящего – называли по-разному.

Что же касается Барьеров – гравитационных сфер с толщиной «стенки» около трех километров и силой тяжести в середине этой невидимой «стенки» примерно в три «g», изолирующих каждую локацию, – Лера предположений не строила, принимала это явление как данность. Или побочный эффект и без того аномального явления.

В общем, что во всех этих теориях правда, а что выдумки, никто не знал. Вопросов – критическая масса, ответов – на один графитовый стержень. Но важно ли это? Выжили ведь. Более того, неплохо устроили жизнь в новых условиях, вот и славно. А то, что за это приходится платить немалую цену, так оно и раньше было несладко!

Подумаешь, жить в наполненной механической заразой пустыне! После Катастрофы ни в одной из пяти локаций не росла даже трава. Кое-где взрывы и вихри пощадил деревья, но теперь это были либо высохшие мумии, либо искусные имитации, непонятно зачем выстроенные нанороботами из автонов – металлических растений.

Подумаешь, проклятые наноботы, так и норовят внедриться повсюду, как злобные микробы, поражая не только технику, но и людей. Покрывая сталкеров болезненными язвами, а зачастую и вовсе превращая их в полуроботов, уже почти ничего не соображающих и медленно гибнущих в страшных муках. Ничего страшного, жить можно и будучи зараженным механическим раком. Это больно и неприятно, но терпимо. Да к тому же недолго. Год, от силы два – и отмучился. Да и выхода нет. Если сбегать из Зоны, зараза доставит еще большие мучения. То есть из двух зол приходилось выбирать меньшее.

И постоянная война с механизмами более крупными: с биомехами, скоргами, гидроботами тоже не была особой проблемой. Для этого у сталкеров и военных имелось новейшее оружие: импульсное, плазменное, лазерное...

Хуже непрерывной войны с механической заразой и роботами всех размеров и мастей стали постоянные стычки между населяющими локацию группировками и бандами, но и тут можно было найти компромисс, если подойти к вопросу со знанием дела. А Лера это умела.

С Орденом Священного Узла – группировкой серьезной, но относительно предсказуемой – она договаривалась по-деловому. С фанатиками, вроде праведников из секты «Пламенный крест», разговаривала резко, иначе их не успокоить. С мафией делилась прибылями, а с наемниками старалась дружить. Военных Лера подкупала, а от группировки «Ковчег» – откровенных подонков и неонацистов – просто держалась подальше.

В общем, чем больше времени проходило с момента Катастрофы, тем спокойнее и увереннее в своих силах становилась Лера и тем лучше шли ее дела. Человек ко всему привыкает и приспосабливается. Был бы жив и дееспособен. А если так, незачем и голову забивать всякими теориями. Исправить ведь все равно ничего нельзя.

Руководствуясь этими принципами, Лера и прожила почти шесть лет после Катастрофы, стараясь не вспоминать о прежней жизни. Лишь изредка она вспоминала (вот как сейчас) тот проклятый черный день. Тринадцатое сентября 2051 года.

На самом деле Леру в новой жизни расстраивало только одно. Рядом не было отца. Она искала его повсюду, искала долго, но так и не нашла. Когда стало ясно, что искать бессмысленно, Лера смирилась с потерей, но в глубине души затаила надежду, что однажды все-таки встретится с отцом. Ведь он это предсказывал. А предсказания отца сбывались всегда.

Глава 1

Зона, локация ЧАЭС. 31.05.2057 г.

Над развалинами ремонтного цеха угадывались остатки плоской крыши – несколько бетонных балок и пара дырявых плит, но это не мешало обзору. Леший окинул взглядом видимую часть неба и удрученно вздохнул. Погода явно портилась.

Багровые отблески заката гасли быстрее, чем обычно, поскольку к воздушным границам Барьера, где-то у горизонта, медленно, но верно подтягивались свинцовые тучи. На час-другой повышенная гравитация должна была притормозить наступление грозового фронта, но слишком уж большая масса напирала на невидимый купол Барьера.

В конце концов, облака все равно прорвутся в воздушное пространство локации, и тогда начнется настоящий кошмар. Спрессованные трехкратными перегрузками иссиня-черные тучи, клубясь и провисая почти до земли, закроют небо плотным покровом и обрушат на землю потоки воды. Сотни Анхелей, тысячи Ниагар и миллион водопадиков помельче. Вот что ждет Старую Зону в ближайшую ночь. А после еще целую неделю будет накрапывать мелкий нудный дождик.

Конвекция, мать ее. Вечная история, и прогнозов не надо.

Леший не любил плохую погоду. В Зоне и так было мрачнее, чем в погребке, а если начинался дождь, или, как зимой в Академовской локации, валил пепельно-серый снег, пиши пропало. Сплошная тоска и застойное уныние. Живой натуре сталкера по прозвищу Леший – русоволосого паренька с простецкой физиономией, двадцати семи лет от роду, в прошлом таксиста и мелкого предпринимателя, а ныне ходока в Зону с пятилетним стажем и с десятком электронных имплантов в организме – такие варианты были поперек желудка. Он любил ясность. Во всем, от работы до погоды.

– Лето кончилось не начавшись, жалко, – Леший перевел взгляд на делового партнера, старшего группы из пяти бойцов местного отряда чистильщиков. – Десять Н-капсул первой категории за все, Максим. И пять за штатный боекомплект.

– Несерьезно, – военный энергично помотал головой. – По десять за единицу!

– Плюс три армгана по двадцать, – сталкер протянул руку. – Заметано?

– Леший, ты не наглей, да? – вмешался в торг Андрей, заместитель командира группы. –

На рынке в Выгребной Слободе лазерники по сотне можно толкнуть!

– Ну так и шли бы в Слободу, – Леший усмехнулся и пожал плечами. – Я вас не звал.

– Армганы трудно будет достать, – задумчиво потирая висок, сказал старший группы. –

У нас вот только один на всех. Экспериментальное оружие, особый список учета.

– Тогда по капсуле за единицу этого старья, – Леший кивком указал на торчащие из сумки импульсники, – и ни наноботом больше.

– Какое старье, в смазке все, как один! – возмутился Андрей.

– Погоди, – остановил товарища Максим. – По семь, плюс тридцать за боекомплект... и три армгана по пятьдесят, только позже.

– Договорились, – мгновенно согласился Леший. – Когда? И какие гарантии?

– Через неделю. А гарантии... – Максим развел руками. – Никаких. Ты же понимаешь.

– Лучшие гарантии – это перспектива дальнейшего сотрудничества, – буркнул третий боец, самый старший в группе по возрасту. – Перевести для малограмотных?

– Пять классов, зато все мои, – Леший снова усмехнулся. – Ладно, воины, уговорили. Через неделю на этом же месте. Держите свою сотню.

Сталкер вынул из кармана небольшой стальной контейнер цилиндрической формы и бросил его старшему группы. Тот сунул цилиндр с Н-капсулами – конгломератами незапрограммированных нанороботов – в карман и кивнул четвертому бойцу, который так и не поучаствовал в торге. Боец застегнул сумку с десятью новенькими, в смазке, импульсными пистолетами-пулеметами «Шторм» системы Карташова и ногой подвинул ее сталкеру.

– Может, все-таки скажешь, Леший, где такую урожайную плантацию автонов нашел, – Максим с явным сожалением покосился на проданный товар.

– А номер счета в банке не сказать? – сталкер, крикнув, забросил тяжеленную сумку на плечо и отсалютовал бойцам. – Пока, пацаны. Удачно вернуться. И не тормозите, скоро дождь зарядит. Развезет, устанете грязь месить.

– Заботливый, аж противно, – буркнул вслед Лешему немолодой солдат.

– Ладно тебе, Иваныч, он ведь сталкер, что с него взять?

– Барыга он бессовестный, а не...

– Тихо все! – вдруг приказал Максим. – Слышите?

Лешему показалось, что он тоже услышал какой-то нехарактерный для данного местечка звук. Сталкер притормозил и обернулся в сторону группы. Солдаты стояли, озираясь, но ни на чем конкретном никто из них взгляд пока не зафиксировал. А между тем странный звук повторился, теперь более отчетливо, но никому так и не удалось обнаружить его источник.

Сталкер перебросил ремень сумки через голову и приготовил к бою «Муму», как он ласково называл свой любимый двенадцатизарядный гранатомет ММ-1.

Любая странность в Зоне – первый признак опасности, а любая опасность – смертельна. Как первое, так и второе утверждение были аксиомами. И пусть Леший, в силу недостаточной образованности, не знал, что такое аксиома, он хорошо знал, что такое смертельная опасность и как ее избежать. А вот, как сказано, так и сделать – избежать, перебирая ногами с максимальной скоростью. И только если забег под вопросом – вот как сейчас, из-за тяжеленной сумки за плечами – можно попытаться уйти с боем.

Где-то справа, на самом краю поля зрения мелькнула тень, и Леший окончательно утвердился во мнении, что дело принимает скверный оборот. Особенно скверным было то, что тень мелькнула очень быстро. С такой скоростью не двигались ни люди, ни биомехи – управляемые разумными нанокomпьютерами механические чудовища всех мастей (до Большой зачистки пятьдесят шестого года их еще называли «механоидами»). Но и каким-нибудь обрывком мусора, подхваченным ветром, источник тени быть не мог. Во-первых, больно уж крупным должен быть обрывок, во-вторых, никакого ветра по ту сторону полуразрушенных стен ремонтного цеха пока не наблюдалось. Ветер, как это и бывает перед грозой, поднимется позже, не раньше, чем через час.

Сталкер вновь взглянул на небо. Все верно. Тяжелые облака только-только начали проходить сквозь Барьер, сгущаясь по мере прохождения в клубящиеся черные тучи. Мелькнувшая справа тень отброшена чем-то, движущимся не под напором ветра, а по собственной воле. Или кем-то.

– Уходим! – громким шепотом приказал своим бойцам Максим. – Только без резких движений!

Леший был полностью согласен с лидером группы военных. Задерживаться в этом местечке крайне опасно, но дергаться или паниковать еще опаснее. Сталкер попятился, наступил на острый бетонный обломок и, потеряв равновесие, едва не приземлился на пятую точку. Зашуршавшее под ногами каменное крошево демаскировало позицию Лешего, и результат не замедлил сказаться. Правда, почему-то первым под раздачу попал не сталкер, а его деловые партнеры.

Загадочная тень пару раз мелькнула снаружи цеха, затем пронеслась со скоростью трасера справа налево по тылам военных, вернулась к правой стене, а затем возникла в самом центре полуразрушенного строения. То есть в двух шагах от замыкающего строй Иваныча.

Леший поднял «Муму», прицелился, но почти сразу опустил оружие. Тень, а вернее – неясных очертаний темная клякса, вновь сместилась вправо и сделала это настолько быстро, что сталкер не успел ничего понять, а уж тем более подкорректировать прицел. В начавшемся представлении сталкеру явно отводилась роль зрителя.

Спектакль давали, прямо скажем, не очень веселый, Леший предпочел бы и вовсе с него уйти, но выбора у него пока не было. Вернее, выбор у него был, только иного рода – бросить товар и убежать, либо затаиться, досмотреть, чем все закончится, и потом уползти, прихватив свои кровно заработанные. Пока Леший склонялся ко второму варианту, хотя опыт подсказывал, что надежнее будет первый. И с каждой сотой долей секунды подсказки опыта становились все настойчивее.

Атакванный черной кляксой Иваныч еще стоял, удивленно глядя куда-то вдаль, а тень уже мелькнула позади второго бойца. Воин успел коротко вскрикнуть, поэтому трое его товарищей резко обернулись, но толку от их проворства было чуть. Темная клякса вновь сместилась влево, затем вправо и неуловимо быстро приблизилась к третьей жертве. В это же время на землю рухнул Иваныч. Точнее, верхняя треть его тела, примерно то, что скульпторы называют бюстом. Чуть позже рядом шлепнулись внутренности и руки, а потом назад завалились отсеченные чуть выше коленей ноги.

Что бы ни мелькало вокруг солдат, оно могло легко и непринужденно рассекать прочнейшую, усиленную металлокерамическими нитями кевларовую броню и человеческие тела, как острая бритва рассекает бумагу.

Подтверждением тому стала кошмарная сцена номер два – второй боец тоже развалился на части, только неведомый мясник расчленил его чуть иначе – снес голову, а затем рассек тело в районе поясницы.

Третий боец успел вскинуть импульсник, но не выстрелил. Он умер практически так же быстро, бессмысленно и бесславно, как и двое предыдущих воинов. Тень раскроила его по вертикали от макушки до промежности.

И все-таки оказалось, что погиб он не напрасно. Двое оставшихся в живых солдат, наконец, сообразили, что происходит, и открыли беспорядочный огонь из лазерника и «карташа» во весь белый свет. Воин, вооруженный ИПП, это был Андрей, даже не постеснялся полоснуть очередью по останкам третьего бойца, которые пока оставались на линии огня.

Пули импульсника буквально взорвали обе оседающие на землю половинки многострадального тела. Брызги крови и ошметки плоти разлетелись вокруг, как искры фейерверка, а из стен, местами пробитых пулями насквозь, брызнули фонтаны кирпичной крошки, пыли и песка.

Вот только темной кляксе огонь «карташа» не причинил никаких неудобств. Тень легко ушла из зоны поражения, на миг исчезла вовсе и вновь появилась за спиной у поливающего из импульсника бойца.

Андрей погиб так же быстро, как и его товарищи. Разве что обошлось без лишних рассечений. Тень просто снесла ему голову.

Оставался пятый, Максим...

Леший не стал досматривать жуткую фантазмагорию. От обилия пролитой крови его слегка замутило. Сталкер без сожаления отстегнул ремень сумки и быстро пополз между обломками давным-давно рухнувших перекрытий. Леший не задумывался, куда ползет. Куда угодно, лишь бы подальше от места этой нереальной бойни.

Сталкер слышал, как вопит от ужаса Максим, как от попаданий из лазерника глухо взрываются кирпичи, как снова сыплется каменное крошево и грохочут обломки покрупнее, как

что-то шипит, будто раскаленное железо, опущенное в воду... и еще много каких непонятных звуков слышал Леший, но ему все это было неинтересно. Инстинкт самосохранения требовал от сталкера лишь одного – бежать без оглядки как можно быстрее и дальше.

Выбравшись из завалов, Леший поднялся на ноги, взял низкий старт, но в последнее мгновение не выдержал и обернулся. Любопытство ведь тоже почти инстинкт.

Экспериментальный армган, которым был вооружен Максим, явно доказал свое превосходство над импульсным оружием. В первую очередь потому, что компьютер нового образца соображал гораздо быстрее, а система наведения умела захватывать даже такие сложные цели, как эта мельтешащая клякса. Кадр, который успел зафиксировать в памяти Леший, выглядел вполне удовлетворительно.

Максима сталкер не увидел, но не потому, что тело лидера погибшей группы валялось где-то между кучами битого кирпича. Ничего подобного. Максима просто не было в развалинах. Скорее всего, ему удалось сбежать. Загадочный мясник (теперь можно было определить, что это не какая-то там клякса, а некое человекоподобное существо) стоял, почти не двигаясь. Вернее, существо все равно совершало мелкие движения влево-вправо, отчего казалось, что оно мерцает, как неисправный морской семафор, хаотично сыплющий точками и тире, но преследовать улизнувшего солдата странное существо не спешило. Видимо, причиной паузы послужили зияющие в теле существа оплавленные сквозные дыры, которые, правда, очень быстро затягивались.

Сталкер собрался было отвернуться и продолжить отступление, пока мерцающее существо не залило все раны и не взялось за устранение ближайшего свидетеля, но взгляд зацепился за предмет хорошо знакомых очертаний, и Леший притормозил еще на миг. Да, ошибки быть не могло. В руке «мерцающий» держал тот самый контейнер с Н-капсулами, которым Леший расплатился за оружие. Правда, стальной цилиндр был смят и разорван, как бумажная обертка, но это был явно он.

«Откупился, что ли? Молодец, Максим, головастый парнишка. Будем живы, может, еще поторгнем».

Существо вдруг резко обернулось и переместилось на пару метров точнехонько в сторону Лешего. Несмотря на мерцание субъекта, сталкер сумел разглядеть его лицо – серое, с какими-то размытыми чертами. А еще он увидел горящие багровым светом глаза этого человекоподобного чудовища. Зрелище было не менее жутким, чем море крови, которое разлилось посреди ремонтного цеха. От страха Лешего даже затошнило, в точности, как несколько секунд назад. Похоже, «мерцающий» и вправду решил покончить со всеми свидетелями. И первым в списке теперь стоял Леший. Ведь сталкер сейчас находился гораздо ближе, чем Максим; шагов улизнувшего от смерти солдата уже не было слышно.

Сталкер сглотнул вязкую слюну, сделал шаг назад, неуклюже перевалился через последний обломок стены цеха и помчался в сторону станции. А если точнее – в сторону «тамбура» – входа в сеть гипертоннелей, по которым можно рвануть в одну из прочих локаций Зоны, например, в милый сердцу любого вольного ходока Курчатник, или в Сосновый Бор, или в Академ, или, на худой конец, в Крым.

Решение было рискованным, ведь местность вокруг станции буквально кишела биомехами и скоргами, но выбора у Лешего не оставалось. В сравнении с «мерцающим», прочие механические чудовища выглядели сущими ангелами. В первую очередь, потому что были вполне уязвимыми для обычного оружия, а во вторую, потому что не умели двигаться с такой скоростью, как этот «мерцающий». Нафаршированный электронными имплантатами мозг сталкера обычно вполне успевал вовремя засечь биомеха и сообразить, как с ним справиться. Обычно. До сегодняшнего дня. Пока на пути не попался этот мрачный субъект с горящими, как угли, глазами.

Воспоминание о жутком взгляде «мерцающего» подстегнуло Лешего, и он перешел на скорость, наверное, близкую к первой космической. И поддерживал ее, пока имплант не сообщил о критическом снижении заряда батарей в ходовых сервоусилителях боевого костюма.

Сталкер тут же сбросил скорость, а еще немного подумав и повертев головой, вовсе перешел на быстрый шаг. «Мерцающий» вроде бы отстал, так зачем тратить энергию? А если не отстал, без усилителей все равно не убежать. Решать проблемы по мере возникновения – отличный девиз. Им Леший и собирался воспользоваться.

А в том, что новые проблемы обязательно возникнут, сомневаться глупо. Вход в тоннели располагался не абы где, а в самой ж... жуткой точке Старой Зоны, то есть недалеко от факела. В том самом месте, о котором складывались не просто народные предания, а целые эпосы.

Если верить местным баянам (в знаменитом баре «Пикник» этих ребят было – только успевай наливать), вокруг факела водили хороводы все виды подконтрольных нанороботам крупных биомехов. Мало того, там кишели, как муравьи, скорги – мелкие механические твари, состоящие целиком из колоний наноботов, и колосились непроходимые поля колючих автонов – как бы растений, только выращенных из ржавчины и прочих металлических отбросов все теми же наноботами.

Все, получается, замыкалось на нанороботов, превратившихся стараниями мифического Узла (этакого главного программатора) в управляющую и движущую силу эволюции машин, которая бушевала шестой год подряд во всех локациях Зоны. Проще говоря – составленные из нанороботов компьютеры стали и мозгами, и оружием, и недостающими деталями (например, броней, шипами или манипуляторами) для всех прочих механизмов.

Впрочем, Лешего сейчас волновало не происхождение и устройство механических монстров, а как бы их обмануть и прорваться к тоннелю.

В особенности его беспокоили маячившие среди руин среднеразмерные боты, издали напоминающие людей, хотя вблизи они были чугузки чугулками. Только многочисленные, организованные в группы и вооруженные лазерниками. И все равно по степени опасности эти роботы не годились тому же «мерцающему» в подметки, зато их было много. Тем и брали.

Леший притаился в развалинах небольшого строения и оценил обстановку. Прямо по курсу сталкер насчитал не меньше двадцати двуногих «ботов», неторопливо вышагивающих между руинами. А слева вертели плоскими башенками еще штук пять или семь роботов на колесном ходу. Можно было не сомневаться, что где-то рядом ползают и несколько экземпляров третьей разновидности средних боевых роботов – крабов.

Вряд ли боты искали кого-то конкретно, скорее просто патрулировали подходы к тамбуру, но легче от этого не становилось. Сейчас они никого не ищут, дай повод – начнут. А поводом может послужить любое резкое движение в сторону тоннеля. Да просто сам факт появления в прицеле человека был для роботов достаточным основанием, чтобы открыть огонь. Такая у них программа, выдернуть бы манипуляторы тому программисту и вставить их... сзади между опорными конечностями.

Леший окинул взглядом правый фланг. Там высилась бесформенная груда бетонных обломков, некогда бывшая Объектом Укрытие, то есть саркофагом над печально известным четвертым энергоблоком Чернобыльской АЭС. Получалось, что Леший мог не опасаться нападения справа, но и проложить маршрут отступления в этом направлении, если вдруг станет туго, он тоже не мог. Хотя... Леший еще раз окинул взглядом высоченный искусственный холм.

Соблазн был велик. Ведь пройдя по отлогой части бетонной груды, можно попасть напрямиком на площадку, где обычно кружил пыльный вихрь, который и обозначал место входа в тоннель.

Леший прикинул, насколько скрытно может подобраться к руинам саркофага и по каким обломкам ему придется вскарабкаться хотя бы на уровень первой трети холма. Взгляд зацепился за огромный обломок в виде полуколыска. Точно! Леший удовлетворенно причмокнул.

Труба! Рухнувшая во время Катастрофы вытяжная труба. Ее кусок лежал на правом склоне саркофага почти горизонтально и не скатывался вниз потому, что его подпирали едва заметный среди груд щебня купол какой-то пристройки.

Леший вновь проложил воображаемый маршрут: под прикрытием руин, насколько получится вперед, затем резко вправо, два десятка прыжков по бетонным глыбам (тут главное не сорваться) и в трубу. Нет, сначала гранатой, для профилактики, а потом – в трубу. Если ее просвет не засыпан, на другом склоне можно очутиться в считанные секунды. Да и если засыпан – не проблема, где-то можно снова гранатой, а где-то ползком, не привыкать. Ну а на другом склоне все вообще ясно. Там крупных обломков мало, в основном щебенка, сел на пятую точку и съезжай до самого подножия. А дальше останется метров сто по относительно ровной площадке под прикрытием полуразрушенных стен станции и... свобода! Или почти свобода. По крайней мере – Москва.

Леший в очередной раз пожалел, что остался без баула, ведь появляться в новой локации голодранцем без хабара несолидно, особенно это касалось Курчатника, то есть Москвы. Правда, в кармане у сталкера лежали пять контейнеров с Н-капсулами, но этот товар ценили в Академе. Деловые люди в Курчатнике уважали оружие. Но для Академа у Лешего не было маркера – своего рода «ключа», который позволяет перемещаться именно в ту локацию, на которую маркер настроен. Был только для Курчатника. А товар – для Академа. Такой вот получился компот.

Так что и по ту сторону тоннеля Лешего ждали серьезные испытания, но в обществе деловых и прочих живых обитателей локаций Леший был своим, поэтому договориться надеялся быстро. А вот среди опасных механических монстров...

Сталкер выглянул из-за камня. Шагающие роботы по-прежнему далеко, а колесные и вовсе умотали куда-то в сторону железной дороги (точнее, насыпи с бетонными шпалами, все рельсы и костыли давно сожрала «плесень», в смысле – переработали наноботы). Леший послал ботам воздушный поцелуй и быстро двинулся вперед.

Видимо, виртуальный поцелуй все-таки настиг адресатов. Шагающие роботы резко остановились, развернулись кругом (собственно – просто развернули башни на сто восемьдесят, согнули манипуляторы в локтях в обратную сторону и зашагали как бы задом наперед), направляясь напрямиком к Лешему.

Кто его сдал, Леший понял довольно скоро, когда путь к саркофагу ему отрезали два приземистых робота. Они были чем-то похожи на огромных (с колесо от БТР) крабов, только без клешней, с шестью одинаковыми суставчатыми ногами. И вместо бусинок-глаз из их панциря торчали спаренные лазерные пушки. Курсовые и тыловые.

Этот вид ботов был довольно проворным, что вполне компенсировало его неспособность к круговому обстрелу, а уж как ловко они умели подкрадываться к противнику – в этом деле крабам не было равных. И все-таки слабые места имелись и у этих живчиков. И Леший эти места давно вычислил. Главное было не дать им возможности прицелиться.

Сталкер взял короткий, в два шага разбег и с обезьяньей ловкостью (спасибо все тем же сервоусилителям боевого костюма) взобрался на остатки стены строения. С трехметровой высоты ему открывался отличный обзор, а вот «членистоногим», чтобы выстрелить, следовало срочно сменить позицию и вскарабкаться передними ногами на какой-нибудь камень. Для зенитного огня их пушки не годились. Был в маневре Лешего и определенный риск, ведь слева приближались шагающие боты, для которых сидящий на стене человек становился отличной мишенью, но сталкеру из двух зол приходилось выбирать то, что ближе.

Леший выстрелил в дальнего краба и прицелился в ближнего, но тут в бой вступило зло номер два. Шагающие роботы открыли огонь с ходу. В кирпичную кладку, всего на сантиметр ниже ступни Лешего, ударил лазерный луч, и сталкер, потеряв равновесие, полетел вниз вместе с обломками взорвавшегося кирпича.

Приземлился Леший довольно удачно. Пусть на пятую точку, зато в мертвой для орудий краба зоне – прямоком на его панцире. Под весом Лешего робот слегка присел, попытался сбросить нежданного пассажира при помощи пары маневров, это ему не удалось, и тогда краб решил прибегнуть к последнему средству. Бот быстро переместился к стене и начал карабкаться вверх. Чего он добивается, сталкер отлично понимал. Во-первых, сбросить седока, а во-вторых, еще и шлепнуться на него сверху. После чего краб просто перебросит конечности вниз, поменяв, таким образом, местами брюхо и спину, и побежит дальше по своим чугунным делам. Оставив раздавленного в лепешку человека гнить среди каменных руин.

Лешего такая перспектива не устраивала, но суетиться было никак нельзя. Все следовало делать вовремя.

Сталкер дождался момента, когда тыловые пушки робота уткнулись в землю, и резко отпрыгнул как можно дальше назад. Новое приземление получилось так себе, Леший грохнулся на спину и даже проехал пару метров юзом, зато стрелять из этого положения было вполне безопасно, несмотря на минимальную дистанцию. Сталкер нажал на спуск и резко перевернулся на живот. Взрывная волна чуть приподняла стрелка и еще разок шлепнула оземь, но осколки гранаты пронеслись выше. Леший вскочил на ноги, бросил в адрес развороченного взрывом робота насмешливое «Будь здоров» и помчался по заранее намеченному маршруту.

Путь вперед был свободен, но обстрел с левого фланга становился все более интенсивным. Задерживаться, чтобы, допустим, вынуть из уничтоженных роботов «Аккумуляторы» – довольно ценные энергетические артефакты, – было неразумно.

Под прикрытием остатков стен, то и дело сыплющих кирпичными осколками, Леший сумел добраться до подножия бетонного холма. Добрался и замер в нерешительности. До трубы метров пятьдесят по косогору, на котором сломит ногу не только черт, но и его босс. Вблизи нагромождение разнокалиберных искусственных камней выглядело более неприступным, чем издалека. К тому же, начав восхождение, Леший рисковал получить выстрел в спину. Ведь он снова оказывался на возвышении, открытый всем ветрам и лучам целеуказателей.

Сталкер на миг обернулся. Шагающие боты уже проникли за стену и сейчас топали где-то на уровне стартовой позиции Лешего. Секунд через десять они поравняются с тлеющими останками крабов, а не позже чем через минуту подойдут к Лешему вплотную. В камень, чуть правее его, ударил луч, и сталкер тут же вышел из оцепенения. Правда, не начал карабкаться по склону, а просто присел, прячась за большим обломком.

Вроде бы беспроблемная ситуация оборачивалась так, что Лешему даже стало жарко от волнения. А может, это главный из вживленных имплантов перегрелся от интенсивной работы. Нанокomпьютер выдавал один за другим варианты дальнейших действий, но сталкер их безжалостно браковал. Уйти влево и заложить вираж, пойти вправо в обход, врубить сервоусилители на полную мощность и, вообразив себя горным козлом, поскакать в гору... все не то. Электронному подсказчику явно не хватало человеческой смекалки. С другой стороны, кто бы говорил! Ведь именно человеческая смекалка и завела Лешего в тупик.

«А сколько раз мне говорил мудрый Эдик: умный в гору не пойдет, вдруг там спрятан пулемет? Нет же, решил, что на этой горке пулеметы точно не стоят. Вот и вляпался, сам виноват!»

Сталкер вынул из ножен на разгрузке финку и поднял ее полированное лезвие чуть выше бруствера. Судя по отражению, роботы пока далеко, но ровно настолько, чтобы Леший успел убраться из опасной зоны. Еще десять секунд промедления – и все, можно не дергаться, а устраиваться поудобнее и принимать последний бой.

Отражение на лезвии вдруг полыхнуло яркой белой вспышкой, которая на миг ослепила Лешего. Сначала он решил, что в финку попал вражеский лазерный луч, но чуть позже сообразил. Нет, полыхнул не луч, а отраженная в зеркале клинка молния. Подтверждая догадку, с низкого темного неба на землю обрушился мощный громовой раскат.

Леший в который раз за вечер поднял взгляд к небесам. В ту же секунду местность озарила новая вспышка, а следом вновь гроыхнуло, да так, что завибрировали внутренности. Грозовой фронт добрался, наконец, до центра локации. Стена ливня пока далеко, зато гром и молнии – получите и распишитесь. И ветер... Ветер? Сталкер замер, прислушиваясь. Невдалеке завывало и шуршало так, что всю эту музыку не могли заглушить даже раскаты грома. Точно, ветер! Леший выглянул из укрытия.

Несущийся перед грозовым фронтом ветер – настоящий ураган! – поднял огромные плотные облака серо-рыжей пыли, которые полностью скрыли от глаз Лешего и местность, и приближающихся ботов. Ну и наоборот! Роботы, конечно, пользовались не только, да и не столько оптическими системами, предпочитая радары и сонары, но недаром сталкер обратил внимание на оттенок пылевой завесы. Серо-рыжий. Не красноватый, от кирпичной пыли, а именно рыжий. От немалого количества ржавчины. Для радаров – практически непроницаемая стена.

Леший торопливо выбрался из укрытия и начал восхождение. Пыльная буря настигла его довольно скоро, сталкер едва успел перебраться через пару крупных камней, но теперь это не имело значения. Имплант Лешего отлично запомнил направление и приметы препятствий. Сталкеру оставалось лишь довериться подсказкам наноконпа, выполнять его приказы (например, ощупывать камни, если потребуется, для идентификации их, как маршрутных меток) и не уходить слишком далеко в сторону, если препятствие легче обойти, чем через него перелезть.

В общем, до трубы Леший добрался успешно и вовремя. Как раз в ту секунду, когда на землю упали первые капли дождя. И за две секунды до того, как дождь превратился в ливень, а затем в натуральный потоп.

Вдохновленный этим удачным поворотом сталкер сделал пару бодрых шагов по трубе, но был вынужден остановиться. Во-первых, на смену сумеркам пришла кромешная темнота (повсюду, под непроницаемым даже для молний покровом черных туч, стемнело, так что не светило ничто и ниоткуда), это грозило глупыми травмами вроде вывихнутой ноги. Во-вторых, кто его знает, что за твари могут обитать в этом уютном гнездышке. Они ведь тоже любят такие укромные местечки, и биомехи, и скорги, хоть они и железяки бездушные.

Имплант вновь усиленно трудился, пытаясь обработать полученное из зрительного центра изображение, но без особого толку. Будь в этой трубе хотя бы на люкс светлее... а когда темнота, как в цинковом ящике, не поможет никакая компьютерная обработка изображения. Потому, что обрабатывать просто нечего.

Леший нащупал встроенный в воротник приборчик инфракрасной подсветки.

«Девайс неисправен», – проскрипел имплант.

«Мать его...» – раздраженно прокомментировал Леший.

«Команда некорректна».

«Заткнись!»

Сталкер сунул руку в карман за зажигалкой, но передумал и поднял «Муму». Какой прок от зажигалки? Тут метров тридцать, все маленьким огоньком не осветишь. А вот гранатой... главное – не влепить себе под ноги, или чтобы мусорного завала в двух шагах не оказалось.

Сталкер опустил на одно колено и, мысленно перекрестившись, нажал на спуск.

Граната взорвалась на вполне безопасном удалении, почти посередине трубы. Имплант успешно зафиксировал высвеченную взрывом картинку. Кроме Лешего, в трубе никого и ничего не было. Это радовало. А вот странное металлическое эхо, что донеслось откуда-то сзади, из-за стены дождя – не радовало совсем. Особенно не радовало то, что эхо было коротким и громким, пробилось даже сквозь рев льющихся потоков воды.

Сталкер резко развернулся кругом и попятился, держа на прицеле вход в трубу. Металлическое эхо – от металла. А металл – биомехи. Похоже, упрямые шагающие боты продолжили выполнение программы, несмотря на резко ухудшившиеся погодные условия. Да оно и

понятно, ведь все эти роботы когда-то давно, до Катастрофы, конструировались как аппараты для освоения других планет, Марса в частности. Это, уже попав в Зону, легально – для испытаний, и нелегально, они превратились в боевых роботов. Так что на природные капризы этим машинам было решительно плевать. А вот на программу они плюнуть не могли. Машины все-таки.

Леший был уже примерно на середине пути к заветному выходу, когда сквозь стену дождя в трубу шагнул первый робот. Сталкер определил это по звукам – по плеску ударивших в стены фонтанов воды и хрусту щебенки под железными ходулями биомеха. Леший выстрелил, но граната не взорвалась. Вернее, она все-таки жажнула, но где-то за пределами трубы. Отсвет взрыва прорисовал контуры биомехов и заодно обозначил, в чем была ошибка Лешего. Сталкер стрелял по центру, а следовало целиться правее. Или левее. В трубу ввалились сразу два механических чудовища.

Исправляя ошибку, Леший выстрелил дважды, попал в одного из роботов и тут же рухнул на спину, пытаясь исчезнуть с линии огня уцелевшего биомеха и вклепить ему, как тому крабу, плюху прямо из партера.

На этот раз трюк провалился. Вернее, провалился сам Леший. Причем с грохотом и очень глубоко. В какое-то непонятное пространство под трубой.

Поначалу он не понял, что произошло, поэтому сгруппировался плохо и приземлился плашмя, серьезно приложившись к обломку бетонной плиты затылком. И это стоило ему легкого нокдауна. Так что лишь спустя несколько секунд Леший сумел сориентироваться во времени и пространстве и поздравить себя с тем, что до сих пор жив.

В загадочном помещении под трубой было темно, как и наверху, однако имплант сумел реабилитироваться и сострять вполне приемлемую картинку. Скорее всего, дело было в роботе, горящем на входе в трубу. Отсветов этого «костра» импланту оказалось достаточно.

Помещение было просторным, квадратов пятьдесят по площади, имело куполообразный потолок с дырой в самом центре и... дверь! Леший с трудом перевалился на бок и попытался подняться, но не сумел – все тело болело, а ноги едва слушались – поэтому он просто пополз в сторону двери.

Ползти было непросто, помещение заваливали груды щебня, смешанного с песком и штукатуркой, а местами из мусорных куч торчали всевозможные предметы обихода, так что Лешему пришлось попотеть. Он даже маску стянул, чтобы свободнее дышать. Но все-таки справился с задачей. Более того, подобравшись почти вплотную к двери, даже почувствовал в себе силы подняться на ноги. Не без помощи сервоусилителей, но все-таки.

Леший оперся о какой-то предмет обстановки и встал в полный рост. Заветная дверь была в двух шагах. Сталкер отцепился от опоры, приготовился сделать шаг, но голова вдруг закружилась, Леший потерял равновесие и завалился влево, на тот самый предмет обстановки, который вот только что служил ему костылем. На самом деле это было кресло с откинутой почти до горизонта спинкой.

Под тяжестью Лешего что-то захрустело, в лицо сталкеру ударил фонтанчик из пыли и отдающего плесенью праха. Сталкер утер лицо рукавом и ощупал то, что лежало на кресле.

В животе похолодело и громко заурчало, а к горлу подкатила легкая тошнота. Не то чтобы Леший был слишком брезглив или боялся покойников, но и удовольствия от ощупывания истлевших человеческих останков он тоже никогда не получал. Сталкер рефлекторно вытер руку о штаны и достал зажигалку. Теперь маленький огонек был в самый раз. Заодно и дверь осмотреть, выяснить, где у нее замок.

Свет от микроскопического язычка газового пламени вырвал из мрака довольно печальную картину. Человек, вернее, его мумифицированные останки, лежал в компьютерном кресле, ногами к огромному доисторическому монитору.

Леший бегло осмотрел почти нетронутую временем одежду человека. Хороший боевой костюм, ботинки, на шее сыромятный ремешок с древним амулетом. Явно не ученый, хотя и умер, сидя перед компьютером. Ходок. Точно.

«Интересно, давно он тут замурован? – Леший хмыкнул, поскольку ответ был очевиден. – Скорее всего, со дня Катастрофы. Кто это был? Вот правильный вопрос. Хотя и это не важно. Старый сталкер. Этого достаточно. Старый сталкер, который умер одновременно со Старой Зоной. Вполне символично».

Леший проверил карманы мумии, но ничего ценного не нашел.

«Тогда хотя бы подвинься, дай отдохнуть живому, – Леший небрежно сбросил останки прежнего хозяина бункера на пол, поднял спинку и уселся в кресло. – То, что нужно! Сейчас пять сек. посижу и вперед».

«В радиусе трех метров обнаружено действующее устройство, – сообщил имплант. – Предположительно нанокomпьютер. Тип неизвестен».

– Ну хоть такая польза, – Леший удовлетворенно хмыкнул. – Неизвестные устройства стоят известных денег. Где оно?

«Один метр сорок сантиметров к юго-востоку».

– Это... – Леший поводит пальцем и ткнул в направлении центра бункера, – там?

Он снова щелкнул зажигалкой. В указанном направлении никаких устройств не было. Только груды мусора. А на расстоянии полутора метров вообще лежал истлевший труп и только.

Лешего вдруг осенило. Устройство! Тип неизвестен! Конечно, он тебе неизвестен, чугунок продвинутый, ты ведь Зоной модернизирован. А этот имплант – нет! Уберегли его стены бункера от трансформации. Одно непонятно, как он может до сих пор работать? Шесть лет без подзарядки, что за источник энергии у него? Загадка. Тем более – ценная вещь!

На этот раз ни о какой брезгливости не могло быть и речи. Леший достал нож, уселся на колени и без какого-либо почтения раскроил хрупкий череп мумии. Искать при свете зажигалки в истлевших, высохших мозгах микроскопический имплант казалось безумной затеей, но Лешего это не остановило. У него был нюх (подкрепленный зашитым в ладонь имплантом-сканером) на ценные вещицы, и сейчас этот нюх обострился до предела. Действующий имплант-нанокomпьютер две тысячи лохматого года выпуска! Да еще наверняка полный информации, в том числе о Катастрофе. Бриллиант в тысячу карат, а не имплант! Даже Алмазный Мангуст такой драгоценности не имеет. В Курчатнике все обзавидуются, Эдик – и тот не удержится, ляпнет что-нибудь ироничное и все равно завистливое.

Имплант нашелся, как и следовало ожидать, за секунду до того момента, когда в зажигалке кончился газ. Леший успел сунуть ценную вещицу в запасной контейнер для Н-капсул и спрятал стальной цилиндр в секретный карман.

«Нет худа без добра! – Леший расплылся в довольной ухмылке. – Еще выбраться отсюда, и порядок. Вот только как?»

Дверь не имела никаких видимых замков или засовов. К тому же Леший прикинул, как располагается бункер относительно склона искусственного холма – по ту сторону двери было полным-полно щебенки. На самом деле выход из бункера располагался там же, где и вход – через дыру в потолке.

Сталкер представил, что творится в трубе, и зябко передернул плечами. Десять или пятнадцать шагающих ботов сейчас стояли, наверное, вокруг провала и ждали, а не пожалует ли господин сталкер обратно, к их жестяному шалашу?

«Нет, спасибо, господа роботы, уж лучше вы к нам. А еще лучше нам расстаться и забыть друг о друге навсегда».

Леший снова уселся в кресло и похлопал по карманам, проверяя, на месте ли боезапас. В голове у сталкера созрел новый план.

Если зарядить «Муму» не простыми гранатами, а сверхдорогими, зато и сверхэффективными плазменными ГП-40, да выстрелить сначала пару раз влево по трубе, затем вправо, а когда все погаснет, выжать из батарей сервоусилителей все остатки энергии и прыгнуть...

План был дорогим, но он того стоил. Причем для Лешего дело заключалось не в том, что на кону стояла его жизнь – этим товаром он рисковал ежедневно, – а в том, что прибыль от продажи антикварного импланта могла покрыть все затраты с лихвой.

Сказано – сделано! Первая фаза прошла как по маслу. Когда плазменные шары сожгли в трубе все лишнее, сталкер стиснул зубы и запрыгнул на трехметровую высоту почти без разбега.

В трубе Лешего ожидало легкое разочарование – никаких тлеющих железных останков здесь не наблюдалось, то есть четыре ГП-40 бездарно ушли в молоко. Но Леший не стал загружаться. Бывают в жизни огорчения, как без них? Не убиваться же по каждому поводу. Зато путь к тоннелю свободен!

Леший в три прыжка преодолел расстояние до выхода из трубы, осторожно выглянул наружу, прислушался, хотя услышать за шумом ливня хоть что-то было нереально (как и увидеть), накинул капюшон и медленно двинулся вниз по склону. Как и предполагалось, местами на пятой точке.

У подножия холма Леший остановился, пытаясь сориентироваться, насколько ушел в сторону от цели. Вход в тоннель должен располагаться где-то чуть левее, напротив ворот. С тех пор как «плесень» сожрала все железо в округе, ворот условных, просто более-менее свободного прохода на территорию бывшей станции.

Сталкер крепко сжал «Муму» и двинулся к предполагаемому месту входа в тоннель. Хлесткие плети ливня и ураганные порывы ветра едва не сбивали с ног, ревущие потоки воды норовили унести куда-то в направлении пруда-охладителя, но Леший не сдавался. Он шел к цели. Медленно, с остановками, то и дело приседая, чтобы удержаться на месте, но шел.

Он уже потерял счет времени и почти перестал понимать, где находится, когда в свете вновь засверкавших молний, наконец, увидел, что прямо по курсу поперек дождевых струй змеятся необычные прозрачные узоры.

«Тоннель!»

Леший устало опустил оружие и сунул свободную руку под одежду. Маркер локации Москва лежал в левом внутреннем кармане, поближе к сердцу, поскольку из двух имевшихся у сталкера маркеров именно этот был для него действительно родным. Что такое маркер Старой Зоны? Пропуск на работу. А маркер Курчатника – это ключ от дома.

– Стой, где стоишь, ходок! – перекрывая рев ливня, прогремело неизвестно откуда.

«Гром? – Леший нервно усмехнулся. – Нет, гром не гремит так членораздельно».

Сталкер повертел головой, но источник звука не нашел.

Пространство вокруг озарила очередная яркая вспышка. Леший надеялся, что сумеет рассмотреть хоть что-то в свете этой молнии, но ему не повезло. Вспышка имела другое происхождение. Это была вспышка включившегося прожектора. Сталкер стоял в пятне яркого света, ослепший и беспомощный. Руки рефлекторно вцепились в гранатомет, но поднять его Леший не успел.

Из пространства, скрытого за ярким пятном прожектора, стукнули, будто забивая гвозди, три выстрела подряд. Верная «Муму» вылетела из рук, а правая нога вдруг резко онемела. Леший опустил удивленный взгляд. В бедре зияла кровоточащая дыра. Дождь смывал почти всю кровь, так что казалось, будто рана и не рана вовсе, а просто дырка в ватном матрасе. Вот только дырки в матрасах не причиняют столько неудобств.

Леший пошатнулся и едва сумел сохранить равновесие. Боли пока не было, но и онемения вполне хватало для серьезных опасений. Еще порыв ветра или неловкое движение, и стал-

кер рисковал растянуться в полный рост на залитой водой площадке перед тоннелем. Хорошо, если навзничь, а если ничком? Так ведь и захлебнуться немудрено.

– Че за херня?! – с истерическими нотками в голосе крикнул Леший. – Кто здесь?!

– *Nodus sancti est!*¹ – прогремел в ответ известный всей Зоне девиз. – Орден Священного Узла. На колени, ходок!

– У меня нога не гнется! – Леший откинул капюшон. – Алло, братья, вы остыньте! Леший я! Рейнарду доложите, у нас с ним дела!

– Червь, – буркнул усиленный мегафоном голос. – Руки в стороны и опустишь на колени или умрешь!

– Да понял я, – Леший торопливо заложил руки за голову и кое-как опустился на одно колено.

Простреленную ногу пришлось просто вытянуть. В позе танцующего казачка сталкер выглядел наверняка комично, но лично ему было не до веселья. Любая встреча с Орденом была чревата неприятностями, а уж вблизи тоннеля – подавно. Этим фанатикам ведь не объяснишь, что собрался домой. Любое телодвижение в сторону тоннелей они расценивают, как покушение на Узел – такое запредельное местечко, где якобы находится сердце всех пяти локаций и где механизмы и люди проходят своего рода перековку, превращаясь, соответственно, либо в разумные машины, либо в суперменов. Ну вроде этих вот членов... Ордена.

Лично Леший во всю эту чушь не верил, считая, что узловики про свой любимый Узел все выдумали, поскольку в основной массе просто помешанные. Поэтому он на всякий случай старался держаться подальше от бойцов Ордена Священного Узла... но недалеко от его коммерческих проектов.

«Да-да, рядовые братья, вы-то и не знаете, что идеи идеями, а кушать вашему начальству хочется сытно, спать сладко, а править властно. И для всего этого требуются деньги. Вернее, не деньги, а бешеные бабки! Те самые, которыми ворочает ваш Командор и его правая рука, казначей Ордена брат Рейнард. А кто поставляет им товар и услуги? Правильно, такие вот скользкие личности, как Леший».

Короче, ссылаясь на Рейнарда, Леший не врал. Казначей Ордена действительно вел с удачливым ходокоем кое-какие дела. Другой вопрос: мог ли казначей в случае потери заменить Лешего другим поставщиком Н-капсул и прочего полезного товара? Ответ: легко. А мог ли Леший найти хотя бы еще одного такого щедрого оптового покупателя? Нет. Были щедрые, были оптовые, но чтобы и то, и другое, кроме Рейнарда – ни одного. Вот и получалось, что ради сохранения чистоты Главной Идеи Рейнард вполне мог поступиться мелкими коммерческими интересами и отдать Лешего братьям на праведный суд.

– Руки в стороны, сказано!

Этих ребят на хромой кобыле не объехать. В руках за головой можно легко спрятать активированный маркер (Леший так и сделал, только активировать маркер не успел). А потом – раз! – один прыжок назад и поминай, как звали. Но с узловиками такие финты не проходили. В коммерции никто из них, кроме Рейнарда, не рубил, зато воевать братья умели не хуже кадровых военных, волки еще те.

Леший вытянул руки в стороны.

– Брось маркер.

– Чего?! – Леший сделал вид, что не расслышал, и даже подался немного вперед.

– Сядь, как сидел! – пророкотал голос.

– Чего?! – Леший подался еще немного вперед.

Теперь он вполне сгруппировался и был готов к прыжку. На одной ноге, конечно, особо не попрыгаешь, но до входа в тоннель метра три, не больше, можно и не прыгать, а просто

¹ Узел священный (лат.).

свалиться в уютные объятия воздушной карусели, а уж воронка сама разберется, как пассажира затягивать и где его выбрасывать.

– Будем стрелять!

– Пацаны, да мне ваш Узел в пятку не уперся! Что я в нем забыл? Я домой иду! Вот у меня и маркер московский!

Леший поднял над головой руку с маркером. На самом деле это движение помогло ему, несмотря на ранение, резко встать на ноги.

– Огонь! – оглушительно рявкнул голос в мегафоне.

На этот раз выстрелы не стучали, как молоток, а были почти неслышными, просто хлопки, которые терялись в шуме дождя. Зато эффективность этой бесшумной стрельбы была гораздо выше. Братья врезали из импульсника. Пули летели с запредельной скоростью и прошивали тело навывлет, причем далеко не так, как это делали пули порохового оружия. Раневые каналы получались огромными, кровь и плоть летели ошметками в разные стороны, а все прилегающие органы попадали в зону молекулярного сотрясения и попросту лопались. А если пули попадали в конечности, то запросто могли их оторвать. Ну ногу, допустим, нет, а вот кисть руки...

Леший проследил, как легко улетают в дождливую темноту его сжимавшие маркер пальцы, а с ними имплант-сканер, как пули перерубают пополам и без того простреленную ногу и как делают три дырки в животе. Вот забавно, одна дыра теперь зияла точно на месте пупка, другая там, где пять лет назад Лешего зацепило осколком гранаты, а третья вынесла половину печени, а заодно и метаболический имплант. Еще две пули вышибли из легких весь воздух, а последняя ударила вскользь по темени и опрокинула, наконец, Лешего на землю.

Сталкер сам не знал, что на него нашло. Казалось бы: убили, смиришь и умирай! Но, уже падая, Леший все равно установил связь с основным имплантом и приказал ему выжать из уцелевшего сервоусилителя все, что в нем осталось.

Осталось мало. На один слабый толчок. Но именно это и требовалось упрямому сталкеру. Конвульсивное движение уцелевшей ноги придало изрешеченному телу Лешего ускорение, и вместо того, чтобы упасть на землю перед входом в тоннель, сталкер пролетел чуть дальше и рухнул прямым в воронку перехода между локациями.

Без маркера, умирая, но он все-таки ушел от этих извергов, работорговцев и палачей, втихушку считающих себя не какими-то там членами (тьфу!), а настоящими рыцарями Ордена Священного Узла.

«Мать его...»

Сознание мерцало, как тот типчик с горящими глазами, тело вообще не ощущалось, а вся прошедшая жизнь... нет, не промелькнула перед мысленным взором. Стала казаться какой-то далекой и чужой.

Леший летел куда-то в светлую (или темную, без разницы) даль, где были совсем другие правила игры. Где можно не напрягаться в попытках выглядеть лучше, чем ты есть на самом деле. Где можно, наконец-то, никому не завидовать и не подражать – некому. Где можно оставаться самим собой во всем: в делах, словах, намерениях. Это ведь так легко, когда тебя не существует. А главное, откуда не было возврата.

Аминь.

Глава 2

Зона, локация ЧАЭС. 01.06.2057 г.

Да, Леший оказался прав. Погода испортилась до безобразия, превратив начало лета в реплику осени. Но если вечером оставалась надежда, что за ночь отгремит и развеется, то к утру стало ясно, что это всерьез и надолго. Нереальная гроза, просто катаклизм и светопреставление в одном флаконе, отгремела часам к трем ночи, но легче после этого не стало. Низкое небо по-прежнему затянуто сплошной облачностью, разве что не свинцовой, а грязно-серой, с севера потянуло ледяным сквознячком, а глубокие длинные трещины и широченные провалы в развороченной черной земле до краев наполнились водой. Теперь избыток влаги предстояло впитывать исключительно грунту на поверхности. Это означало, что смешанная с золой грязь окончательно раскиснет, и унылая картина окружающей местности станет совершенно адским пейзажем.

Максим окинул быстрым взглядом окрестности. Его окружали все оттенки черного, коричневого и серого. Грязь, камень и ржавое железо. Мутная пелена мелкого дождя и далекие вспышки молний без грома. В принципе – описание любой свалки индустриальной эпохи ноябрьским утром. Одна беда, если судить по календарю, вокруг буйствовало красками лето, причем далеко не индустриального века. Первое июня две тысячи пятьдесят седьмого года. Но это если судить по календарю. Погода Зоны имела свои представления о временах года.

Звуковой фон соответствовал этим представлениям. Мерный шелест дождя, чавканье грязи под сапогами, далекий рокот и заунывные, протяжные звуки, напоминающие то скрежет железа, то скрип тяжелых дверей, а иногда – хрипкое соло водопроводной трубы, оставшейся без влаги.

Последняя ассоциация показалась Максиму неуместной. Влага (жаль, не питьевой) вокруг хоть отбавляй, и с каждой минутой становилось все больше. Непромокаемая вроде бы одежда все-таки промокла, и теперь сталкер ощущал неприветливость окружающего мира буквально кожей. Капли холодного дождя просачивались сквозь капюшон и текли по спине тонкими ручейками, пересчитывая позвонки до самого копчика. Щекотно и неприятно, но Максим боялся даже шевельнуться. Даже дышать боялся. Только зыркал по сторонам в отчаянных поисках то ли подсказки, то ли какого-то доброго знака.

И неспроста. Прямо напротив позиции чистильщика, где-то в зарослях колючего и вычурного жестяного леса на северном склоне холма, затаился раптор. От Максима он был всего-то в сотне метров. Для хищника – два прыжка. Для человека – не меньше пяти секунд ураганного спурта. С учетом уклона и естественных препятствий, в виде огромных валунов и глубоких трещин в земле, все десять. Получалось, что ситуация выгодна раптору, но полуразумная машина не спешила пользоваться своим преимуществом. Раптор выжидал.

Чего он ждал, Максиму неизвестно. Попутного ветра? Благоприятного расположения звезд? Подзарядки аккумулятора? Гадать можно вечно. Мотивы поступков и логические построения превратившихся в монстров машин оставались за гранью человеческого понимания. Даже за гранью понимания тех, кто уже не являлся человеком в чистом виде. То есть военных и сталкеров.

Чего-то этот проклятый раптор ждал. И точка. Когда бросится в атаку, станет понятно – чего. А пока следовало набраться терпения, мужества и прокачать варианты маневра.

Максим оглянулся. Позади все тот же пологий склон, развороченная, обугленная земля, чуть ниже – снова металлические заросли и редкие, не больше двух-трех в поле зрения, покры-

тые мертвым мхом валуны. Типичный новый пейзаж Старой Зоны, как иногда называли сталкеры локацию ЧАЭС. Отступать вниз по склону теоретически проще, но на практике – Максим знал не понаслышке – гораздо выгоднее уходить в горку. Раптор в этом случае не всегда точно рассчитывал траекторию прыжка. А если вовремя вильнуть... да еще врезать «плетью»...

К сожалению, у бойца при себе не было ничего, кроме стандартного набора: нож, две гранаты, изрядно истончившийся артефакт «Фрич» в кармане, окончательно разрядившийся лазерник да резервный «Страйк» – десятизарядный импульсный пистолет.

Максим помассировал запястье правой руки, основательно натертое браслетом, с помощью которого к предплечью крепился бесполезный теперь лазерный армган. Боец в сотый раз заглянул в окошечко индикатора заряда и в сотый же раз поморщился. На дисплее экспериментального оружия по-прежнему значился отчетливый ноль. На миг эмоции захлестнули раскусодок, и Максим едва не потянулся к замку браслета, чтобы отстегнуть бесполезную железяку и зашвырнуть ее куда-нибудь в жестяные кусты. Туда, где ее быстро и с удовольствием утилизируют нанороботы, превращающие любой металл в молекулярную пыль, из которой они затем строят либо автонов – металлические растения и лишайники, либо себе подобных микроскопических роботов, если коротко – наноботов.

Слава богу, вспышка гнева длилась недолго. Чистильщик оставил в покое экспериментальный лазерный армган и потянулся за привычным импульсным «Страйком». Что ж, на безрыбье, как говорится, и рак – рыба. Эстетика не та, да и эффективность огня аховая, но не с голыми же руками стоять против железного хищника! Есть еще гранаты, но это оружие выбора, оно пойдет в ход, если не останется никаких других вариантов.

Эх, если б не сели батареи лазерника, все могло разрешиться в считанные секунды, и не просто разрешиться, а красиво. Это ведь тоже важно, хотя бы для поднятия боевого духа, когда побеждаешь красиво. Эффектный взмах рукой, мгновенный захват цели системой наведения импланта, серия импульсов и – победа. Красиво и романтично.

Да, романтично. Звучит слюняво, но по сути верно. А ради чего еще Максиму Соколову, единственному сыну богатых родителей, было вербоваться в военные сталкеры, если не ради романтики? Мог бы спокойно учиться в университете, ходить в клубы, кататься на дорогом «Мерседесе Гипердрайв», дружить с девушками и вообще жить, не напрягаясь и не огорчая родню. Но нет, захотелось брутальной эстетики и опасной романтики. Захотелось стать сверхчеловеком. Вот и получил, что хотел. Со всеми сопутствующими проблемами и издержками, вроде ежедневного нервного перенапряжения, вживленных имплантов – насколько полезных в Зоне, настолько же вредных, даже опасных за ее пределами, и жутких физических перегрузок. Да еще этот риск, непонятно ради чего. Не убьют биомехи или люди, сожрут изнутри нанороботы, которые, как злобные паразиты-вирусы, так и норуют внедриться поглубже в человеческое тело и переделать его по своему разумению.

С другими ребятами все ясно, зарабатывают на жизнь, на учебу, планируют выслужить свой контракт, избавиться от имплантов (наивные!) и начать новую, настоящую жизнь. А Максиму-то ради чего рисковать? Ради чего напрягаться, тратить силы и здоровье? Денег у него и так полно, настоящая жизнь у него была и может продолжиться в любой момент, стоит только плюнуть на все и вернуться домой. Нет же, даже разочаровавшись в фальшивой романтике адского местечка, которым оказалась Зона, Максим продолжал упорствовать в своих заблуждениях. Не глупо ли?

«Глупо! Глупее не бывает! Но сейчас-то зачем об этом думать? О деле надо думать, о выживании в данном конкретном случае. Чертова пушка! Электронный хлам, а не оружие!»

Нет, в принципе лазерное оружие, грозное, способное поджигать на расстоянии до километра любые цели, даже просто воздух, отличная штука, если уметь им пользоваться. В Зоне без него трудно, и служило оно верой и правдой, как механическим монстрам, так и людям. Вот только оно не имело «защиты от дурака». Если стрелок бездумно растрачивал заряд, оружие

не ограничивало глупый порыв человека и уж тем более не говорило ему «Опомнись». Этим должны заниматься вживленные в мозг стрелка импланты, но и у них возникали проблемы с носителем. Особенно в те моменты, когда этот самый носитель был без ума от страха.

Максим торопливо отогнал постыдные воспоминания.

А кто не струсил бы в той ситуации? Как можно сохранить самообладание, когда у тебя на глазах какое-то непонятное чудовище нарезает твоих товарищей крупными ломтями?! Да и не было на самом деле времени у Максима для чего-то, кроме испуга. Слишком уж быстро все произошло. Секунды за три, а то и быстрее. Раз, два – и против монстра, мелькающего, как бешеная ракета, остались только Максим да Андрей. Еще секунда, – и Макс остался в полном одиночестве. Леший, который забился где-то между камнями, не в счет. Как тут не запаникуешь и не вдавишь гашетку до упора? И вообще, что было, то прошло.

Хотя вот ведь штука получалась: даже если ты стал нафаршированным нанокomпьютерами сверхчеловеком, ты не становишься автоматически смелым, неуязвимым и всемогущим. Твоя жизнь все равно зависит от множества факторов. От психологической устойчивости, надежности оружия, качества снаряжения, физической подготовки, количества и мощности вживленных имплантов. И много еще от чего. От везения, наконец. Ну и какой ты после этого сверхчеловек?

Натуральный супермен должен быть готовым к бою при любых условиях и без всякого оружия, должен останавливать вражеские полчища одним только свистом, должен Землю вспять поворачивать одной только силой мысли. Короче, волшебником должен быть, а не суммой технических новинок, вросших, как родные, в тело обычного человека. Разве не так думает подавляющее большинство обывателей? Именно так.

Но обывателям это простительно, они ведь дохнут от скуки без астрологических прогнозов, щекочущих нервы загадок и сказок о бессмертии, сверхспособностях и нечистой силе. Им ведь невдомек, что бессмертие – это не благо, а проклятие, что сверхспособности даются только в обмен на пожизненное заточение в пределах аномальных территорий, а нечистая сила, и в самом деле выползающая из адского местечка, именуемого Узлом, вполне материальна и не боится волшебных заклинаний, очерченного мелом круга или шаманских оберегов.

Обывателям все эти заблуждения простительны.

А вот сталкерам – нет. За иллюзии и ошибки они платят собственной жизнью.

Максим крепко сжал кулак, затем резко разжал пальцы и встряхнул рукой. Например, вот за такие ошибки. Чтобы остановить мелькающую тварь, там, в ремонтном цехе, наверняка было достаточно трех-четырех коротких очередей. Если бы он не запаниковал, то мог бы сейчас иметь заряженное на три четверти оружие. С таким запасом не то что раптора, даже бронезавра можно завалить. Если бы не запаниковал... Теперь же оставалось полагаться на удачу и смекалку. Или на неожиданную находку. На Каменном склоне, или официально – «Высоте 163,5», такое случалось. При желании можно найти кое-какие полезные артефакты, в том числе «Аккумулятор». Наноботы оружия охотно подключились бы к «Аккумулятору» или «Энергетическому полю»...

Максим себя одернул.

«За иллюзии сталкеры платят жизнью! Чьи слова? Не до поисков аномальных источников энергии! Нет для этого возможности. И на помощь рассчитывать не следует. Не придет никто. Остается либо обмануть раптора, либо уничтожить! Третьего не дано».

Боец, сам не зная почему, так и не достал «Страйк». Вместо импульсника Максим взял гранату, а свободной рукой нащупал сквозь одежду артефакт «Фрич». Если бы солдат сунул руку в карман, желеобразный «Фрич» тут же окутал бы кисть руки наподобие перчатки. Пальцам стало бы прохладно, а в ладони появился бы легкий зуд. Это означало бы, что «Фрич», несмотря на то, что Максим эксплуатировал его вторую неделю, готов к работе.

В принципе, одолеть раптора реально и с таким арсеналом. Бросить гранату, залечь, потом вскочить, подбежать и врезать кулаком, окутанным «Фричем», монстру между фарами. В этом месте у рапторов сосредоточены радары и сонары, с помощью которых механические хищники ориентируются в пространстве. Будь «Фрич» свежим, удар мог бы и вовсе разнести биомеху половину морды. То есть уничтожить и приборы навигации, и мотор. Но артефакт у Максима был уже слишком тонким. Заморозить и разбить в мелкие осколки датчики и защитную решетку капота он мог, что-то большее уже нет.

«И то хлеб, – подумалось бойцу, – да может, и не понадобится «Фрич». Может, сразу гранатой попаду. Тогда раптору точно каюк. Или, как выражается командир отряда, плазменный привет. Бронезавры при точном попадании дохнут, а уж эта легковушка и подавно зажарится».

Военный сталкер понимал, что вряд ли все пойдет именно так, как он надеется. Увидев летящую гранату, раптор непременно отпрыгнет, и десятиметровый плазменный шар, который образуется при взрыве гранаты, лишь засветит приборы механического монстра. Максимум – опалит ему борт. Добежать, пока перезагружается бортовой комп хищника, и врезать «Фричем» также проблематично. Но других вариантов на ум не приходило, и Макс решил действовать.

«А там будет видно. Пан или пропал».

Солдат сделал шаг в сторону, размахнулся и бросил гранату. Бросок получился идеальным. Снаряд взмыл в небо под углом в сорок пять градусов, что обеспечивало ему максимальную дальность полета. Залюбуешься, какой вышел бросок. Одна беда – раптор заметил сталкера еще в момент его энергичного замаха.

Механический монстр угрожающе завыл, присел на заднюю подвеску и вполне предсказуемо прыгнул вперед на два десятка метров. В принципе, Максиму такой вариант был выгоден, ведь хищник сократил дистанцию и бежать до него теперь не пять секунд, а три от силы. Но на самом деле маневр раптора никак не улучшил положения Макса. Если бы воин оставался для противника невидимкой – куда ни шло, но теперь дистанция не имела значения. Теперь раптор готовился атаковать сам, а не ждать, когда человек приблизится и врежет «Фричем».

В животе у бойца неприятно похолодело, в голове зазвенела абсолютная пустота, но рука будто бы сама собой потянулась за второй гранатой.

«Прямой наводкой! – мелькнула отчаянная мысль. – И сразу на землю!»

Максим еще не успел осмыслить новый вариант действий, а тело уже поступило так, как приказал компьютерный имплант. Вторая граната полетела практически параллельно земле и с гораздо большей скоростью, чем первая. Раптор попытался отпрыгнуть в сторону, но не успел. Снаряд врезался ему в левый борт.

Что случилось дальше, Макс не увидел, он упал на землю и крепко зажмурился. Огненные шары от первой и второй гранаты вспыхнули почти одновременно. Зажатый меж двух огней раптор взвыл громче прежнего, вновь попытался отпрыгнуть, но врезался в замшелый валун и умолк. Максим дождался, пока прокатится волна горячего воздуха и стихнет грохот от удара и скрежет сминаемого железа, затем резко перекатился метров на десять вправо и, наконец, осмелился поднять голову.

С новой позиции открывалась вполне приятная глазу картина. Монстр, когда-то давно, до Катастрофы, бывший самым обычным военным внедорожником «Тигр-1000», больше не представлял опасности. Искореженный кузов машины объят пламенем от бампера до бампера, и никакой дождь не сможет погасить это пламя. Огонь поднимался метра на три от земли, а черный шлейф дыма уже затянул весь склон. Отличный результат! Жаль только, что не удастся извлечь из «изделия», как называли биомехов военные, энергетический артефакт «Аккумулятор», на жаргоне – «Сердце зверя», и зарядить с его помощью армган. Но это мелочь.

Максим поднялся на четвереньки и быстро отполз под прикрытие металлических деревьев. Черт его знает, что было в салоне машины «при жизни», может, какой-нибудь полусгнивший боезапас. Еще рванет, чего доброго.

Оказавшись на относительно безопасном расстоянии от горящего раптора, Макс принял более подходящую человеку позу и засеменял по склону вниз, в сторону жестяного молодняка. На вспышки и свет костра наверняка уже спешили другие механические монстры, встречаться с которыми Максиму не улыбалось. У него не осталось ни приличного боезапаса (пули «Страйка» таким громадинам нипочем), ни энтузиазма.

Заросли металлических растений – автонов – густые, колючие и неудобные, к тому же здесь почти невозможно дышать от едких испарений. Так что, как укрытие выращенный наноботами металлический лес никуда не годился. Но долго прятаться в нем Максим и не собирался. Какой смысл? Если монстры поставят себе цель – найти уничтожившего раптора человека, найдут даже в самых густых зарослях. Играть с ними в прятки слишком опасно.

Будто подтверждая опасения Макса, где-то вдалеке справа «деревья» заскрежетали, а воздух содрогнулся от дружного басовитого воя моторов и протяжного скрипа тормозов. Максим резко сменил направление и припустил со всех ног. Он отлично знал, что за механические твари обычно завывают настолько дружно и громко. Это были носороги, в прошлом военные грузовики повышенной проходимости, вроде допотопных «КамАЗов» и «ГАЗ-66», только покрытые благодаря стараниям внедрившихся во все их детали нанороботов, множеством уродливых бородавчатых наростов, бронелистов и шипов, которые в районе капота и вовсе выглядели, как острые рога или бивни. Атаковали эти твари всегда четким строем по два десятка машин в линии, борт к борту, поэтому затаиться и просочиться сквозь строй было нереально. Теоретически оставался шанс упасть у них между колесами и пропустить строй над собой. Говорят, пару раз сталкерам, оказавшимся на пути у механического стада, даже удавалось выжить таким способом, но лично Максим этих везунчиков не встречал.

Зато встречал других. Тех, кто сумел вовремя сделать ноги. Плотный строй монстров существенно ограничивал их маневренность, так что, если своевременно уйти с пути несущегося стада носорогов, можно было и уцелеть. Главное – не тормозить и нестись во всю прыть.

Вой монстров стал громче и, что Максима особенно насторожило, доносился теперь не только справа, но и с тыла. Это означало, что носороги сменили тактику и решили взять притянутого человечешку в кольцо. Это вторая из двух известных тактических схем носорогов, называлась она карусель. Когда позволял ландшафт, машины начинали кататься вокруг жертвы, медленно сжимая кольцо окружения. Заканчивалось все эффектной фигурой наземного пилотажа, именуемой «свастикой». Две машины блокировали путь вперед и назад, а еще две съезжались борт к борту, растирая человека в кровавую кашу.

Макс представил себе, как его зажимают железными бортами два огромных чудовища, судорожно вздохнул и невольно заскулил. А когда, ломая тонкие металлические деревца и сминая болотные кочки, наперерез сталкеру выехал огромный, уродливый носорог капотной компоновки, Максим и вовсе заорал во всю глотку и, вновь сменив направление, бросился наутек, не разбирая дороги.

Видимо, госпожа Удача, которая в первый раз улыбнулась ему прошлым вечером, до сих пор была на стороне Максима, поскольку новое направление оказалось единственно верным. Впереди маячили те самые валуны, которые Макс приметил со склона, когда выжидал момент, чтобы улизнуть из поля зрения раптора. Между здоровенными, в человеческий рост, камнями носорогу не протиснуться, а справа и слева, метров на сто в каждую сторону, простиралась болотная топь, непроходимая даже для монстров, которые «в прошлой жизни» были «Уралами».

Максим пулей проскочил между камнями, запрыгал по болотным кочкам, поскользнулся, плюхнулся в грязь, снова выбрался на ближайшую кочку и, коротко оглянувшись, двинулся

дальше, из последних сил стараясь поддерживать прежнюю скорость. Ведь то, что железные монстры притормозили за условным барьером, вовсе не означало, что опасность осталась позади. Носороги вполне могли пойти на принцип и двинуться в объезд. Спасительное для Макса болото было не таким уж большим. По левому берегу, при средней скорости километров сорок в час, его можно объехать минут за пять, по правому – за десять.

Какое решение приняли носороги, Максим не знал, да и не очень-то стремился это выяснить. Он просто бежал, прыгал с кочки на кочку, выбирая более-менее крепкие (в этом вопросе он также ориентировался на подсказки вживленного в мозг компьютерного импланта), и старался ни о чем не думать. Ни о хорошем, ни о плохом. Даже когда под ногами вновь оказалась твердая почва, а волчий хор воющих моторов, наконец, перестал терзать слух, сталкер не сбавил темпа. Страх, охвативший солдата еще вечером, в руинах ремонтного цеха, а теперь получивший новую подпитку, будто подталкивал в спину, и Макс уже начало казаться, что он не сумеет остановиться никогда. Разве что врезавшись в стену.

Максим заложил небольшой вираж, огибая несколько растущих из одного корня высоких автонов, и... неожиданно распластался по той самой стене. Судя по болезненным ощущениям во всем теле – бетонной.

Впрочем, на поверку стена, в которую врезался Максим, оказалась вовсе не бетонной. Так сталкеру только почудилось.

«И слава богу, ведь иначе на такой скорости мог бы и откинуть копыта, – подумал Максим, поднимая глаза. – Хотя, возможно, это было бы лучшим вариантом. Последней неприятностью. А так – неприятности только начинаются».

Почему Максим решил, что главные неприятности впереди, было вполне понятно. Судя по экипировке, «стеной» на пути позорно бегущего с поля боя чистильщика стал офицер-разведчик из мобильного спецотряда Барьерной армии.

Офицеры этого элитного подразделения имели в локациях Зоны неограниченные полномочия и очень скверную репутацию. Если им что-то не нравилось, могли расстрелять на месте без лишних слов. Так что Максим определенно попал из огня да в полымя. Оставалась одна надежда – на личные отношения. С этим офицером боец был шапочно знаком. Пересекались, когда Максим, как и полагалось рядовым класса «универсал» (в народе – джинн), проходил штабной этап стажировки. Офицера спецотряда звали Кириллом, и был он не намного старше Макса, однако для таких мелких сошек, как рядовой отряда чистильщиков, пусть и лидер патрульной группы по должности, и джинн по специализации, он был господином капитаном, либо – в неформальной обстановке – господином Кольцовым.

– О, Максим! – офицер схватил сталкера за плечи и слегка встряхнул. – От кого драпаешь, головорез?

– Здравия... желаю, господин капитан, – выдавил из себя Макс, едва справившись с паникой. – Там... раптор был, а потом носороги налетели... жестянку начисто вытоптали... спрятаться негде. Вот я и...

– Ускорился, – закончил вместо Максима офицер спецотряда. – Ай молодец! А к руке у тебя что пристегнуто, не напомнишь?

– Армган, – Максим продемонстрировал оружие офицеру. – Вот.

– Ну и?

– Так ведь не работает!

– Не работает? – капитан удивленно поднял брови. – Тебе доверили экспериментальное оружие, и ты его тут же сломал?

– Я... нет! Разрядилось просто!

– Разрядилось? Ладно, а, допустим, мнемотехнику применить или замаскироваться и подойти ближе, чтобы «Фричем» врезать, не догадался?

– Я... пока не очень это все умею, – сталкер стушевался. – Нет, не догадался.

- Джинн называется!
- Так ведь раптор почти прыгнул, я ж говорю, а у армгана батареи сели, вот я и...
- Забыл от страха все, чему учили.
- Не забыл, но... гранатами... и ходу.
- Все понятно, – Кольцов похлопал военного сталкера по плечу. – Доверь козлу капусту! Как ты вообще на Каменный склон забрел, вояка хренов? В разведку ходил?
- Да, но это еще вечером было... – Максим на миг зажмурился и помотал головой, – там такая каша заварилась! Пришлось отступать... быстро очень.
- Бежать, если точнее, – капитан смерил бойца уничтожающим взглядом. – Издалека пришлось бежать?
- Почти от Янова, – Максим вдруг словно сбросил оцепенение и затараторил: – Мы в обычный рейд пошли, камеры проверить и маяк на станции заменить, «плесень» его совсем сточила. Отделением пошли. Почти до места добрались, уже через железную дорогу, в смысле через насыпь, перевалили. Впереди ловушка оказалась, мы в обход двинули, через автовокзал, потом через гаражи, чтобы со стороны Семиходов подойти. Вроде бы получилось, но чугульки что-то учуяли, начали вокруг собираться. Тогда мы в ремонтный цех нырнули. До середины цеха дошли – и тут вдруг вспышка, удар, будто взрывной волной врезало, и нас всех в разные стороны раскидало. Только никакого взрыва там не было, я точно знаю. Я, когда подняться сумел, снова почти до того места дошел. Чисто там было, ни одного признака взрыва. И ловушек никаких. Я удивился, пошел назад, ребят искать, а потом чувствую, будто кто-то стоит за спиной. Обернулся, вроде бы увидел что-то... или кого-то, и... как помешательство накатило. Гашетку прижал, и задний ход. Потом побежал. Потом гроза началась, я в каких-то развалинах спрятался, потом дальше пошел. Как светать начало, осмотрелся, вижу – склон под ногами, а внизу слева руины Чистогаловки, а справа Чернобыля-2. Стою один. И оружие в ноль разряжено.
- Но гранаты у тебя на тот момент оставались, – уточнил офицер. – И «Страйк» был в порядке. Поня-ятно. Что ж, подытожим. Значит, ты в панике на гашетку надавил и не отпускал, пока у армгана батареи не сели. А потом бросил подчиненных на произвол судьбы и дал деру. Интересно, кто тебя так напугал?
- Говорю же – обернулся и... как с ума сошел. Мелькало что-то, но я не разглядел. Начал палить почему зря. А потом... вот.
- Звуков не было?
- Вроде бы нет. Не помню.
- Обернулся ты в какую сторону, в сторону станции? «Что-то» мелькало там?
- Вроде бы да.
- И далеко от тебя это «что-то» находилось?
- Я не понял, далеко или совсем перед носом. Не успел понять. Обернулся, и все, мозги набекрень, а перед глазами только мельтешение.
- Ладно, боец, идем на базу. Там постараемся тебе помочь.
- Помочь? – Максим насторожился.
- Картинку с импланта считаем, вместе будем разбираться, что там у тебя перед глазами мелькало, – спецназовец взглянул на сталкера свысока. – Реальное «что-то» или страх твой пороссячий.
- Картинку, – солдат обомлел, – с импланта?! Это же... прямое подключение!
- Так точно, – капитан сделался предельно суровым. – Толстой иглой прямиком в мозг. Если повезет, выживешь. А ты думал, тебе все с рук сойдет? Четверых бойцов в пустяшном рейде кто потерял?
- Я, – Максим опустил взгляд.
- Небылицы про временное помешательство кто плетет?

– Я не плету!

– Молчать, – негромко, но строго приказал Кольцов. – Говорить в кабинете следователя будешь. Шагай вперед, сопляк!

«Вот тебе и личные отношения, – Максим уныло вздохнул и уставился себе под ноги. – Хорошо, хоть на месте не грохнул. За трусость. И ведь не сделал этого он тоже не потому, что мы знакомы. История моя его заинтересовала. А если б не странности в этом рейде, шлепнул бы на месте, и поминай, как звали. Что же делать? Прямое подключение, даже если все пройдет удачно, это прямой путь под трибунал. И не за трусость вовсе. Есть в памяти импланта информация и посерьезнее. Торговля оружием – это лет десять строгого режима как минимум. Что же делать?»

В голове навязчиво пульсировал вполне надежный вариант: выстрел из «Страйка» господину офицеру в спину, и проблема решена. Мало ли народу ежедневно пропадает в самой опасной из локаций Зоны? Пока что Кольцов вполне осмотрительно шел сзади, но это технические детали.

«С другой стороны, зачем привлекать внимание? Контрразведчики непременно сопоставят наши маршруты и время, начнут копать... нет, не годится этот вариант. Придется как-то договариваться с лекарями. Допустим, заплатить им, чтобы соврали, что имплант неисправен и запись стерта, или что-то еще придумали... они это умеют. За кругленькую сумму. Вот ведь встрял! Чтоб этому Кольцову провалиться!»

Максим сердито фыркнул и зачем-то в сто первый раз посмотрел на индикатор заряда армгана. То, что он увидел на дисплее, не поддавалось никакому объяснению. Батареи оружия были полностью заряжены!

Максим оглянулся по сторонам, пытаясь обнаружить хоть какие-то признаки того, что вокруг простирается «энергетическое поле», довольно редкий участок местности, на котором могут происходить подобные чудеса. Никаких признаков энергополя вроде бы не было. Тем не менее оружие зарядилось. От какого источника и почему так быстро? Ответов у Максима не было.

«Вообще попал! – на миг запаниковал солдат. – Как я все объясню?!»

– Шире шаг, – приказал Кольцов. – Не спать на ходу!

«А никак не буду объяснять! – Максим скрипнул зубами. – Пусть хоть наизнанку меня выворачивают! Ничего у них не получится!»

– Стоп машина! – неожиданно послышалось из-за невысокой, но длинной каменной гряды чуть левее маршрута.

Максим поднял взгляд. Из-за камней выглядывал еще один военный. Горбоносый чернявый сержант в такой же униформе и экипировке, как и у Кольцова.

«Хорошо, что не попытался стрельнуть в капитана! – мелькнула мысль. – Видишь, как они хитро друг друга подстраховывают!»

– Что стряслось, Жора? – спросил капитан.

– Люди Дьякона прямо по курсу. Через бруствер лезут.

– Много?

– Двадцать.

– Многовато, – Кольцов оглянулся. – Бесшумно не сработаем. А шуметь нам никак нельзя. Обойти получится?

– Туда, туда и вниз, – сержант потыкал пальцем, указывая на неровности ландшафта, одному ему видимые с трехметровой высоты. – Придется поплавать.

– Пошел, – капитан указал Максиму направление. – «Страйк» к бою.

– Что? – Максим замешкался. – А-а, ну да, только...

– Отставить разговоры!

Максим послушно достал импульсник. Пожалуй, сейчас не время пускаться в простран-ные объяснения насчет вновь ожившего армгана. Выпадет случай, и так все прояснится.

Случай выпал очень скоро. Все произошло как-то слишком быстро, совсем не так, как на тренировках, хотя и не настолько молниеносно, как в случае с «мерцающим». Максим еще не успел вскарабкаться на каменную грядку, а капитан и сержант Жора уже, наоборот, скатились вниз и не проявляли никакого желания возвращаться на импровизированный бруствер.

– Сползай, салага! – вполголоса приказал сержант.

Максим не успел выполнить приказ, поскольку был вынужден пригнуться и вжаться в камень. Сверху его обильно осыпало острое черное крошево. Боец начал потихоньку сползать, но к дождю из каменной крошки присоединились фонтаны и гейзеры того же происхождения. Боевики известного фанатика сектанта Дьякона, они же праведники, лупили из всех стволов по застрывшему на возвышении солдату, будто решили, что он и есть тот самый придумавший Зону Антихрист, на которого они безуспешно охотились вот уже шестой год подряд. Положение становилось критическим. Пока что Максима спасал большой черный валун, но пули импульсников справлялись еще не с такими укрытиями. Два десятка точных попаданий, и от огромного камня останется кучка щебня. А от укывшегося за ним человека и того меньше.

Боец беспомощно оглянулся. Капитан Кольцов и сержант оказались не в лучшем положении. Противник поливал их с высоты, то есть имея явное тактическое преимущество. Да к тому же, в отличие от Макса, у командиров не было нормального укрытия. Сержант пытался отстреливаться из «Шторма», но это не мешало праведникам идти вперед и занимать еще более выгодные позиции.

– Боец, огонь! – крикнул Кольцов.

Максим, наконец, сообразил, что конспирация побоку, быть бы живу, бросил «Страйк» и активировал армган. Эффект от первой же серии выстрелов превзошел все ожидания. Система наведения оружия в сцепке с имплантом солдата выдала стопроцентный результат. Пять или шесть праведников вспыхнули, подобно своему символу, «Пламенному кресту», а остальные отступили от греха подальше и попрятались с другой стороны каменной грядки.

– Нет, вы только посмотрите, – проворчал сержант, поднимаясь из грязной лужи. – Быстрыми стали эти сектанты, только держись. Чуть не ухайдакали. Говорят, Дьякон им всем новые импланты закупил в Академе. Последняя модель, почти оплавленные.

– Почти в нашем случае это много, – капитан кивком указал сержанту на грядку. – Чтобы стать такими, как жженые, им раз сто придется через тоннели пройти. Да и то вряд ли «оплавят» импланты до нужной кондиции. Бди.

– Есть.

– А ты ко мне, – Кольцов махнул Максиму.

Солдат спустился, наконец, к подножию грядки и виновато взглянул на офицера.

– Я хотел вам сказать...

– Хотел – скажи. В чем дело?

– Не могу знать, господин капитан! Когда от жестянки к этим камням шли, я случайно на индикатор посмотрел, а там... сто процентов заряда!

– То есть врал насчет полного нуля?

– Не врал! Честное слово! Да вы сами взгляните!

Максим протянул руку и развернулся так, чтобы капитану было удобнее заглянуть в окошечко индикатора. В нем светились все те же сто процентов.

– Но ведь ты только что... – Кольцов удивленно вскинул брови. – Процентом семьдесят должно было остаться.

– Об этом и речь!

– Снимай, – капитан положил руку на рукоятку своего «Страйка».

– Господин капитан, – Максим растерялся, – так ведь... я же... вы что подумали?

- Рядовой Соколов, сдать оружие! – Кольцов вытянул импульсный пистолет из кобуры.
- Есть, – Максим отстегнул армган и, как требует устав, бросил его офицеру.

Кольцов поймал оружие, коротко взглянул на индикатор, а затем почему-то покосился на притаившегося на гряде сержанта. Видимо, решал, стоит ли втягивать в историю лишнего свидетеля.

– Интересные дела, Максим, – вкрадчивые интонации в голосе Кольцова не предвещали ничего хорошего. – Ты у нас как бы джинн, верно?

– Как бы, – согласился боец. – Как боец-энергик еще годен к строевой, и ловушки чувствую, как проводник, а все остальное – в зачаточном состоянии.

– Так вот, получается, что не все, – капитан повернул армган так, чтобы Максим видел индикатор.

В окошечке светился ноль.

– Не понимаю, – боец утер внезапно выступившую на лбу испарину. – Может, индикатор барахлил, когда сотню показывал, а на самом деле армган был разряжен?

– То есть по праведникам ты сейчас из хера своего стрелял, да?

– Тогда ничего не понимаю.

– Я тоже, – Кольцов пристегнул армган бойца себе к левому предплечью. – Небылицы плетешь, армганы заряжаешь, как генератор, врагов с одного выстрела валишь...

– Мне потому армган и доверили! Ну потому что стреляю хорошо!

– И потому, что он у тебя сам собой заряжается?

– Я не знаю, почему это произошло! Уже месяц, как его испытываю, но такое в первый раз!

– Вот и разберемся, – Кольцов кивнул. – На базе. А пока шагай, как шагал, и не дергайся. Пристрелю. Понял?

– Так точно, – Максим вновь приуныл.

Подвиг ему не зачли. А могли бы. Хотя какой тут может быть зачет, когда такие дела? Живой человек – и вдруг лазерное оружие заряжает, будто внутри у него аккумулятор спрятан, наподобие того, который в любом биомехе сидит. Подозрительно это. Даже больше, потенциально опасно. Так что все правильно сделал Кольцов. Когда такие странности творятся, боевое братство побоку.

«А может, не в странностях дело. Мало ли у каждого из нас секретов? У Кольцова тоже наверняка есть скелет в шкафу. Мог бы и закрыть глаза на мой случай. Нет, тут не в странностях проблема. В выгоде корень всех зол. Армия потому и не может справиться с Орденом, группировками и преступностью. Невыгодно. А продать мой секрет, если он существует, – выгодно. Вот капитан и уцепился за тему. И с сержантом не спешит делиться по той же причине. С контрразведчиками поделится, куда деваться, но не больше. Интересно, сколько за меня дадут ученые? И какие? Лишь бы Хистеру не продал! Его ученые хуже фашистов. Говорят, на людях такие эксперименты ставят, что жуть берет».

– Гелашвили, что там? – спросил Кольцов.

– Чисто. До самых вертушек чисто.

– Подбери его «Страйк» и бегом вперед. Праведники могут крюк по автонам заложить и как раз к вертушкам выйти.

– Могут, – сержант кинул, – только пилоты уже в курсе.

– Тогда хорошо. Но ты все равно подстрахуй. А ты, Соколов, шагом марш. И помни, одно резкое движение, и ты труп.

«Да помню я, – Максим незаметно поморщился. – Теперь точно влип. И ладно бы сам понимал, в чем тут дело. Так ведь нет. Измучают и пристрелят, а за что, так и не пойму. Обидно будет до смерти».

Последняя мысль была отчасти забавной, но Максима не развеселила. Даже наоборот, окончательно повергла бойца в бездну уныния. Выхода из ситуации он не видел. Ну разве что вертушки, на которых собирался умотать из центра локации капитан Кольцов, не долетят до базы. Допустим, наткнутся на зенитный огонь бронезавров или встретятся со стаей драконов, а там мягкая посадка и бегом, куда подалее...

Максим вздохнул и в который раз задал себе ставший банальным вопрос: «Иллюзии губительны, чьи слова?»

Глава 3

Зона, локация Новосибирск. 01.06.2057 г.

Гордыня. Слово громоздкое, но потому и не теряется среди слов-обмылков вроде «порядочности», «нравственности» или «честности». Смертный грех и запретный плод. Движущая сила и таран. Стимул и результат. Все это – гордыня. Великая и всепоглощающая. Одно плохо, не всегда получается потешить ее в полной мере. И на Большой земле и в приграничье Зоны обязательно найдется хотя бы один скользкий нюанс, который мешает продемонстрировать миру все величие и обоснованность претензий гордеца. Где-то этим нюансом становятся налоговые службы, где-то мафия или корпоративная этика. Бывает, правда редко, что и сам обладатель гордыни натягивает поводья. Все бывает. Но это лишь снаружи. Внутри гордыня полыхает, как зарево, и доставляет ни с чем не сравнимое удовольствие.

Всего три слова: «ты самый лучший», всего три банковских счета – на каждом пожизненное содержание в пятизвездочных условиях, три машины (скромный разъездной «Лексус», плюс антикварные «Роллс-Ройс» и «Майбах» в гараже трехэтажного коттеджа на Большой земле) и три безделушки: часы за миллион баксов, перстень с бриллиантом в полсотни карат, и «РНТ-М21», лучший в мире нейтрализатор к оплавленным имплантатам – и достаточно. Ты живешь со своей гордыней в полном согласии. Причем не только в Зоне, но и за ее пределами, что особенно важно.

Каспер любовно дыхнул на сапфировое стекло платиновых часов «Тиссо» юбилейной серии – двести экземпляров к двухсотлетию фирмы, вытер влагу о шелковый халат и откинулся на спинку массажного кресла.

Все люди работают и живут под властью гордыни. Но не у всех получается ее удовлетворить, в какие бы тяжкие они ни ударялись: от поджога храма Афины Паллады до убогого самопиара на форумах в Сети.

У Каспера получалось. И очень даже неплохо. А все почему? Очень просто. Он никогда не оскорблял самую любимую из своих женщин, называя ее пошлым словом «понт». Нет, не ради быдлярских понтов трудился Каспер, ради изысканной и элегантной гордыни! Это большая разница, уж поверьте.

Каспер включил массажер кресла в режим несильной расслабляющей вибрации и блаженно прикрыл глаза. Ночь была трудной, столько переговоров, виртуальных встреч и напряженной умственной работы... другим хватило бы на всю рабочую неделю. Но Каспер – профессиональный посредник и непревзойденный специалист по разрешению всевозможных проблем – успевал справиться с таким объемом работы всего за ночь или за день, как ложилась карта. В этом, собственно, и заключался секрет его успеха.

«Доить всех досуха, но так, чтобы клиенты точно знали – деньги потрачены не зря». Таким был главный принцип работы Каспера. Клиенты о нем знали, но ведь их вложения действительно работали! Так что почти никто не сожалел о том, что связался с Каспером. А тот, кто сожалел, ничего не мог изменить. Сдачи Каспер не давал. И это было вторым принципом его работы. Бывали, конечно, случаи, когда особо жадный клиент предъявлял претензии, пытаясь вернуть часть вложений, но Каспер ни разу не пошел на поводу у скряги. Нет, он не звал на выручку «крышу» и не уходил на дно, чтобы переждать, когда клиент остынет и одумается. Ведь зачастую жадничали люди с большими связями, а однажды на Каспера и вовсе попытались наехать парни из мафии. Но ни у кого ничего не получилось. Каким-то немисли-

мым образом Каспер утрясал все проблемы в рекордно короткий срок – за ночь или за день – и продолжал жить, как жил.

Какие мистические силы стояли за посредником, оставалось только гадать. Ни одна из группировок или официальных структур не могла похвастать, что держит Каспера на довольствии. Понятное дело, что авторитет у такого человека был огромным, а гордыня вполне обоснованной. Впрочем, о размерах последней могли судить только те, кто знал о Каспере все. А таких людей в природе не существовало. Во всяком случае, их не было среди обитателей пяти локаций Зоны.

О Каспере все знали только необходимый минимум. То, что он способен урегулировать любой конфликт, стать отличным посредником в самой сложной сделке и сохранить любой секрет надежнее швейцарского банка. Да, он не скрывал, что поддерживает тесные контакты с Орденом, причем исключительно на самом высоком уровне – общается с Командором, казначеем и пятью приорами Ордена в локациях. Также Каспер был хорошо знаком с Хистером, главой одиозной группировки Ковчег, с генералами Барьерной армии, с тайными отцами мафиозного синдиката, да и с их покровителями на Большой земле тоже. Он даже мог спокойно выйти на Дьякона, горящий крест в глотку этому фанатику-сектанту и всем его праведникам! Но ни с кем из этих деятелей Каспер не вступал в тайный сговор и не затевал темных делишек. За это его и уважали. Да и побаивались, если честно. Слишком уверенно вел дела посредник и слишком уж странные происшествия случались с теми, кто пытался сорвать обеспеченную Каспером сделку, а его выставить крайним.

Народ попроще поговаривал, что Каспер – это, возможно, маскирующийся под дельца Мерлин – самый талантливый из всех существующих сталкеров-универсалов, личность легендарная и народом весьма почитаемая.

Люди «в теме» считали Каспера посредником не только между зональными группировками, но еще и смотрящим, который обеспечивает сохранность и грамотное распределение вложений корпораций с Большой земли.

Самые образованные допускали оба варианта, плюс задавали один закономерный, хотя и скользкий вопрос: Каспер был жженым, без сомнений, то есть прошел во время Катастрофы через горнило Узла. Так может быть, именно Узел, или тот, кто в нем обитает, наделил Каспера такой внутренней силой? Может быть, не международный синдикат, а именно хозяин Узла мифический Атомный Демон назначил Каспера смотрящим за «органикой», безрассудно слетающей на свет запредельного Узла и его отражений-локаций в обычном мире, как мотыльки слетаются на огонек свечи?

Все версии были вполне жизнеспособными, но ни одна не имела шансов получить подтверждение. Сам Каспер его не даст, а выведать не получится. Не стоит и пытаться. Да и опасно это. В локациях и других связанных с Зоной местечках любопытство считалось смертным грехом. Смертным в смысле наказуемым смертью.

«Загадочность... – Каспер усмехнулся. – Младшая сестра гордыни».

Посредник перевел кресло в режим более крупной вибрации, но вскоре был вынужден вовсе отключить массажер. На имплант-коммуникатор поступил вызов с приоритетом «ноль».

«Что-то рановато сегодня».

Каспер по привычке бросил взгляд на голографическую проекцию сетевого терминала. Вообще-то при желании всю информацию Каспер мог получать напрямую – из Сети в сознание. Вживленные имплантаты это вполне позволяли, но такого желания у посредника никогда не возникало.

Во-первых, зачем перегружать импланты – не казенные, а во-вторых, голопроекция казалась посреднику чем-то вроде неперемennого атрибута уюта. Вроде ковра, удобных тапочек и кресла-качалки (в случае Каспера – массажера).

Сел в кресло перед телевизором, как назывался пращур голопроектора, и сразу расслабился. Рефлекс, въевшийся в подкорку.

Интерфейс терминала был настроен под специфические запросы хозяина. В трехмерном пространстве «экрана» постоянно бежали объемные строчки биржевых сводок, информация о ЧП в интересующих Каспера точках планеты, параметры геомагнитного состояния, погоды и аномальной активности в локациях Зоны и прочее, прочее, прочее. Что-то периодически выплывало на передний план, что-то уходило на второй, третий и так далее. Не плавал в кубатуре голопроекции только один видеоряд – вверху на втором плане высвечивалась картинка, напоминавшая посреднику пять звездочек на ярлыке дешевого коньяка (подумать только, когда-то Каспер пил и такой!): пять классических циферблатов, каждый из которых, правда, имел по две дополнительных стрелки красного цвета. Черные стрелки указывали стандартное время прилегающих к локациям территорий, красные – фактическое время на каждом участке Зоны. В Старой Зоне и Крыму было пять утра (фактически пять двенадцать и пять ноль три), в Москве – шесть (столько же и по факту), в Питере – фактически полшестого. Только Академзона уже давно проснулась, здесь пробило девять, хотя красные стрелки отставали на четверть часа. Но вызов поступил не из Новосибирской локации, а из Старой Зоны. Кому не спалось в столь ранний час?

Имплант мгновенно выдал подсказку. Вызывал как обычно «нуль третий». Контакт с «нулем» вместо первой цифры порядкового номера в списке знакомых Каспера было всего три. Всякие там министры, губернаторы и прочие политики средней руки удостоились только «двойки», а президенты и премьеры, которых знал Каспер, шли по приоритету «один», так что можно сделать вывод о серьезности контактов «нулевой» серии. Чаще всего с Каспером контактировал именно «нуль третий». Как обычно, без картинки или хотя бы заставки. Только голос, словно по допотопному телефону, разве что без трубки.

– Есть дело, Каспер, – голос абонента был безжизненно-механическим, поскольку его синтезировал коммуникатор «нуль третьего».

Посреднику такие голоса не нравились, но он понимал, что иначе нельзя. Конспирация. Да Каспера никто и не спрашивал, какой голос ему приятно слышать, а какой нет.

– Крупное?

– Да, Каспер. Очень крупное. Возможно, самое крупное в истории Зоны. Когда все срастется, гарантирую, что твой авторитет станет непререкаемым, а имя встанет в один ряд с именами Мерлина, Избранного и Механика.

– Кого я должен убить?

– Как обычно, никого. Ты должен лишь идеально выполнить свою работу. Слушай внимательно.

– Я огромное ухо Джека, – Каспер усмехнулся. – Ни одно слово не пройдет мимо меня.

– Хорошо. Сообщи Большой тройке, что товар находится под «Олимпией». Военные придут туда не позже полудня, но силы будут равны. Упустить такой шанс значит упустить все. Ровно через час свяжись с Механиком и скажи ему, что надвигается шторм. Обломки кораблекрушения непременно вынесет на его остров. Еще через час выйди на генерала Тихонова и передай ему привет от Академика. Пока это все.

– Академик сгорел месяц назад, – с сомнением напомнил Каспер, – и Тихонов об этом знает.

– В этом весь смысл.

– Привет от покойника? – Каспер хмыкнул. – Черная метка?

– Нет, условный сигнал. И еще, Каспер, не надевай нейтрализатор. Сегодня ты будешь нужен мне в постоянной готовности. Думаю, нам придется связаться еще два или три раза.

– Как скажете, – Каспер взял с журнального столика тонкий ободок телесного цвета и сунул его на полку, чтобы не забыться и случайно не надеть, когда соберется вздремнуть. Ведь поспать-то «нуль третий» не запретил.

– Когда все закончится, ты получишь пять процентов, – как всегда, в конце инструктажа обозначил интерес посредника «нуль третий». – Это от семи до девяти миллионов. Как получится.

– Поручите сделку мне, и получится десять.

– Нет, Каспер. Все переговорщики-торговцы будут уничтожены, таков уговор. А ты нужен мне живым.

– Тогда пусть будет семь, – легко согласился посредник. – Начнем игру?

– Время пошло.

«Вот такая работа, – подумал Каспер, когда связь прервалась. – Ни минуты покоя».

Он притворно вздохнул и улыбнулся. Ни минуты покоя, риск и огромные деньги. Работа ему чертовски нравилась. И, если положить руку на сердце, нравилась она не только и не столько прибыльностью, связями и осознанием собственной значимости. Больше всего в этой работе Касперу нравилась интрига, азарт, вкус большой игры. В конце концов, все могло закончиться печально, допустим, если «нули» договорятся и решат, что посредник должен быть уничтожен, как те переговорщики-торговцы, поскольку слишком много знает. Еще как могло! Но в этом-то и заключался азарт, суть и смысл всей работы, а заодно и жизни. Пусть короткой (да она и не бывает длинной, даже горцам-долгожителям перед смертью кажется, что можно было бы поскрипеть еще годик-другой), зато полнокровной.

«Именно так, полной азарта и крови, – Каспер потянулся, встал и прогулялся по спальне. – А другой жизнь и не бывает. Без крови и азарта не жизнь, а так, существование. Нахлебался этого еще до Катастрофы, надоело».

Каспер вернулся к голопроекции, и вдруг, сам не зная почему, как бы коснулся пальцами иконки архива. Вместо привычного делового изображения перед посредником возникла объемная картинка высочайшего качества и... в то же время нулевой достоверности. Эпизод из прежней жизни. Вид Новосибирска накануне Катастрофы. Вид безвозвратно ушедшего прошлого.

В те далекие времена, без малого шесть лет назад, это был красивый, цветущий город, расположенный по берегам крупнейшей сибирской реки Обь. Это была столица самого большого и богатого региона Евразии. Региона, который раскинулся от Урала до Дальнего Востока и от Ледовитого океана до границы с Китаем и его буферными провинциями: Монголией и Казахстаном.

Это был город, полный жизни и света, людей и нормальных машин. Город затейливых небоскребов, мирно соседствующих с архитектурными памятниками, вроде Оперного театра, Краеведческого музея или старой мэрии. Город, пронизанный сетью двухъярусных дорог и удобных развязок. Город семи мостов – одного из последних символов Новосибирска. Город – родитель крупнейшего научно-технологического символа всей страны – Академгородка, которому в этом году могло бы исполниться сто лет.

Это был город, сверкающий стеклом и лоснящийся пластиком, освещенный искусственными огнями вывесок, рекламных голограмм и фонарей, но в то же время полный заботливо сохраненной зелени. Например, в небольших оазисах грунтового уровня, вроде Заельцовского парка или Кудряшовского бора, или в многоэтажных открытых парках развлечений, обустроенных на месте Центрального сквера, Бугринской рощи и речной набережной у отеля «Ривер-парк».

Несмотря на достаточно суровый климат, в этом городе всегда было комфортно, безопасно и очень интересно. Здесь процветали тысячи развлекательных заведений, сотни спортивных сооружений, возведенных к летней Олимпиаде 2048 года, и десятки театральных пло-

щадок и арт-клубов на улице Гоголя – «Сибирском Бродвее», как называли ее поклонники живого искусства.

Наконец, здесь располагался знаменитый на весь мир Технопарк Академгородка – третья по производственной мощности и научному потенциалу после Технопарков Шанхая и Тайваня евразийская база по развитию нанотехнологий. И, конечно же, здесь находился первый по всем статьям Игровой центр – сооружение, сравнимое по размерам с пятисоттысячным футбольным стадионом «Пеле-мемориум» в Бразилии.

Тот самый Игровой центр, в котором к 2050 году разрабатывалась половина всех сетевых игр, три четверти деловых и бытовых компьютерных программ и окончательно прорисовывались почти все блокбастеры континентального производства. Продукцией Игрового центра пользовались даже космические агентства и военные. Кроме того, в Игровом центре, переодевшись в гейм-сюит (отчасти похожий на реальный боевой костюм, только управляемый не вживленным имплантом бойца, а вшитым нанокomпьютером), можно было ощутить себя героем любой виртуальной игры. Действительно героем – сильным, ловким и смелым. Машущим тяжелым мечом и летящим верхом на огнедышащем драконе, выясняющим отношения в криминальных районах с бандитами или палящим из бластера в чужих на затерянной планете. Героем, а не вялым геймером, пукающим в компьютерное кресло.

А какие водные аттракционы и шикарные пляжи действовали летом в городе, на речных островах и на берегах Обского водохранилища! Ни в какую Турцию или Испанию ехать не надо, даже с Сочи можно было, в принципе, сравнивать, разве что море несоленое. Но зато и лететь никуда не требовалось.

В общем, красота была, благодать.

Каспер покачал головой – и с чего вдруг потянуло на грустные воспоминания? Ведь сам только что сказал – до Катастрофы у него была не жизнь, а посредственное существование, пусть и в такой вот золотой клетке. Он, собственно, и имплантом в те времена решил обзавестись, чтобы вступить в клуб деловых людей, решающих проблемы «в уме», и хоть как-то поправить дела. Тринадцатого сентября пятьдесят первого года выяснилось, что поступил Каспер вполне предусмотрительно, а еще через год он почти забыл о прежних проблемах, но... почему-то до сих пор хранил в архиве этот ролик. Может быть, потому, что в настоящем находился сам Каспер, а в прошлом осталась его душа?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.